

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.И. Бажан

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ЕВРОИНТЕГРАЦИИ:
ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫЕ
АСПЕКТЫ**

МОСКВА 2018

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

А.И. Бажан

**ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ:
ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ**

**Доклады Института Европы
№ 359**

Москва 2018

УДК [336.7:339.924]:061.1ЕС
ББК 65.262-18(4)+65.5-65(4)
Б16

Редакционный совет:
Ал.А. Громыко (председатель),
Е.В. Ананьева (шеф-редактор), Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Ответственный редактор Е.В. Ананьева,
редакторы К.Н. Гусев, Е.В. Дрожжина

Рецензенты:
Кондратьева Наталия Борисовна, кандидат экономических наук
Пищик Виктор Яковлевич, доктор экономических наук

Тема государственной регистрации:
«Перспективы европейской валютно-финансовой интеграции»

Бажан А.И. Перспективы евроинтеграции: валютно-финансовые аспекты – Prospects for European integration: monetary and financial aspects : [монография] / А.И. Бажан. – М. : Ин-т Европы РАН, 2018. – 74 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 359) – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-125-2.

Монография посвящена актуальным проблемам валютно-финансовой интеграции в ЕС. Автор исследует экономические противоречия, присущие региональному объединению, которые определяют перспективы его развития, анализирует современную денежно-кредитную политику Европейского центрального банка. Предложены рекомендации по совершенствованию монетарной политики России с учётом европейского опыта.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-125-2

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2018

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

A.I. Bazhan

**PROSPECTS FOR
EUROPEAN INTEGRATION:
MONETARY AND FINANCIAL ASPECTS**

**Reports of the Institute of Europe
№ 359**

Moscow 2018

Аннотация

В монографии исследованы причины нарастания с начала 2000-х г. бюджетного дефицита и государственного долга как в целом по ЕС, так и отдельным странам объединения. Рассмотрены меры по сокращению этих финансовых дисбалансов. По мнению автора, используемые меры носят паллиативный характер. Большое место в работе уделено вопросам денежно-кредитной политики в еврозоне: проанализированы новые тренды, появившиеся в связи переориентацией монетарного регулирования на стимулирование экономического роста и финансовую поддержку стран с высоким уровнем государственного долга. Проведён анализ современной денежно-кредитной политики России. Показаны её недостатки, состоящие в односторонней нацеленности инструментов монетарного регулирования лишь на снижение масштабов инфляции, что в ряде случаев препятствует росту национальной экономики. Обоснованы рекомендации по совершенствованию этой политики.

Annotation

The monograph analyses the causes of the budget deficit and state debt growing since the early 2000's – both in the EU as a whole and in separate member-countries. Measures to fight those financial imbalances are presented. In the author's opinion, the existing measures do not address the causes. The paper focuses on the Eurozone monetary policy: the new trends stemming from monetary regulation shifting to stimulating economic growth and financial support of the indebted countries. Modern Russian monetary policy is analyzed and its downfalls are examined: the one-sided orientation of monetary regulation on fighting inflation, which in some cases impedes national economy growth. Recommendations for improving this policy are presented.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
Глава 1. Этапы евроинтеграции.....	8
Глава 2. Финансовый кризис в ЕС.....	12
2.1. Причины кризиса.....	12
2.2. Основное экономическое противоречие ЕС.....	15
2.3. Интеграция и дезинтеграция.....	20
Глава 3. Зона евро и её перспективы.....	29
3.1. Противоречие зоны евро.....	29
3.2. Меры по сохранению зоны евро и ЕС в целом.....	36
Глава 4. Монетарная политика в еврозоне.....	44
4.1. Природа денег и денежно-кредитная политика.....	44
4.2. Исторический экскурс в европейскую денежно-кредитную политику.....	50
4.3. Современная денежно-кредитная политика ЕС и России.....	55
Заключение.....	66
Об авторе.....	71

CONTENTS

Introduction.....	7
1. The Stages of European Integration.....	8
2. The Financial Crisis in the EU.....	12
2.1. The Causes of the Crisis.....	12
2.2. The Major Economic Contradiction.....	15
2.3. Integration and Disintegration.....	20
3. The Euro Zone and its Prospects.....	29
3.1. The Euro Zone Contradiction.....	29
3.2. Measures to Preserve the Euro Zone and the EU.....	36
4. Monetary Policy of the EU.....	44
4.1. The Nature of Money and Monetary Policy.....	44
4.2. A Retrospective Analysis of the European Monetary Policy.....	50
4.3. Modern Monetary Policy in the EU and in Russia.....	55
Conclusion.....	66
About the Author.....	71

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы европейская интеграция переживает сложный период. Брекзит показал хрупкость интеграционных конструкций, воздвигнутых в Европе в последние 70 лет. То, что казалось монолитом, построенным на века, что так пропагандировали и чем восхищались не только прозападные СМИ, политики и экономисты, но и российские средства массовой информации, а также адепты евроинтеграции в российской научной среде, на наших глазах даёт трещину. Всё больше появляется признаков расхождения интересов стран, входящих в ЕС. Яблоком раздора служат не только иммиграционные волны, захлестнувшие многие страны объединения, которые до сих пор не могут прийти к согласию относительно того, в какой части каждая из них должна принимать участие в приёме и размещении беженцев на своей территории. Чисто экономические проблемы также содержат зародыши дезинтеграции.

К таким проблемам относятся, в частности: высокий уровень государственного долга; низкие темпы экономического роста; обострение конкуренции на общем рынке Евросоюза в связи с появлением, например, высокоэффективных современных производств в странах Центральной Европы; единая для еврозоны денежно-кредитная политика, которая не учитывает специфику и интересы развития отдельных государств. Всё это заставляет рассматривать ЕС как региональное объединение, эволюция которого может привести к частичной или полной его дезинтеграции.

Основной упор в работе сделан на анализе тенденций и перспектив евроинтеграции в валютно-финансовой сфере. Однако эта сфера не изолирована от других областей экономической жизни объединения. Соответственно, в той мере, в какой это было необходимо для объективного и углублённого анализа, рассмотрены также некоторые проблемы, выходящие за рамки валютно-финансовой интеграции.

ГЛАВА 1. ЭТАПЫ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Начало интеграции относится к середине XX в. Поражение Германии и её союзников во Второй мировой войне – определённый порог, за которым мироустройство (политическое, экономическое, социальное) стало кардинально меняться по сравнению с предвоенной ситуацией. Трансформации подверглись, прежде всего, экономические взаимоотношения стран Западной Европы, которые в настоящее время составляют костяк Евросоюза. Наверное, не будет преувеличением сказать: самое главное в отношениях между странами, что породило окончание войны и победа в ней союзников по антигитлеровской коалиции, – это начало экономической интеграции на западе Европы.

Возможно, кому-то такой тезис о значении послевоенной ситуации покажется неожиданным: мы привыкли к расхожему мнению, тиражируемому в огромных масштабах научной и учебной литературой, а также СМИ, что интеграция – явление закономерное, объективное, поскольку имеет определённые экономические преимущества и ведёт к росту эффективности экономики стран, участвующих в ней. Согласно данной аксиоме, страны мира чуть ли не поголовно и изначально, должны стремиться к объединению, интегрировать свои экономики, создавать общие рынки и общие экономические пространства, где происходит свободное, не скованное государственными границами, движение товаров, капиталов и рабочей силы.

И, тем не менее, если обратиться к фактам послевоенной истории, то можно увидеть, что интеграция послевоенной Европы в начальной её фазе имела другие, неэкономические причины. В этот период нужен был некий толчок, чтобы запустить интеграцию. И таким толчком были не экономические, а политические причины. Они появились в связи с окончанием войны, а также, в силу наличия определённых политических особенностей, у стран-победительниц, получивших в результате победы возможность в значительной степени определять ход развития мировой истории в соответствии со своими интересами.

Действительно, экономическая необходимость интеграции в условиях всеобщей послевоенной разрухи в Европе, занятой

проблемами её преодоления, ещё никак не заявляла о себе. В то же время политические устремления победителей, из-за специфики присущих им политических режимов, после окончания войны оказались принципиально различными, противоречащими друг другу. Таким образом, если война и общий враг в лице фашистской Германии и её сторонников объединяли союзников в борьбе против фашизма, то победа их разъединила: на первый план в мировой политике вышли противоречия между основными силами, обеспечившими победу. Образовались две, противостоящие друг другу идеологически и политически мировые группировки стран: капиталистическая и социалистическая. Одна – во главе с США, другая – Советским Союзом.

Началось восстановление разрушенного войной хозяйства. США как неоспоримый лидер западного мира навязали Европе такой хозяйственный механизм восстановления, который и породил начало интеграции. С какой целью это было сделано? Цель стратегическая – создать в Западной Европе мощный экономический и политический блок, противостоящий восточноевропейским социалистическим странам во главе с Советским Союзом.

Причина заключалась в том, что перспектива восстановления Западной Европы по старым лекалам (как в период после Первой мировой войны), не устраивала США, которые не могли допустить, чтобы в Европе действовали автаркические государства, всецело поглощённые своими внутренними проблемами, преследующие в мировой экономике и политике сугубо эгоистические, национальные интересы. Соответственно, они избрали путь восстановления, сочетающийся с европейской интеграцией, в виде либерализации торговли за счёт постепенной отмены тарифных пошлин. Было определено и средство стимулирования – огромная помощь, направляемая в Европу, по известному Плану Маршалла, условием предоставления которой была либерализация европейскими странами внешней торговли.

Американцы создали два института, которые контролировали получение и использование этой помощи в Европе: Администрация по реализации плана Маршалла и Организация европейского экономического сотрудничества, созданная в 1948 г. Под их влиянием взаимная беспошлинная торговля в Западной

Европе стала набирать обороты.

Пионером была Западная Германия, которую принуждали к интеграции не только американской помощью: страна до 1949 г. находилась под оккупационным управлением США, американская администрация непосредственно определяла экономическую политику этой территории. Отсюда уже в 1949 г. половина импортных товаров в ФРГ перестали облагать таможенными пошлинами, а в 1950 г. – 77% от оставшейся части.

Развитие внешней торговли привело к осознанию преимуществ интеграции, которая создавала возможности расширять производство и реализовывать продукцию в огромных масштабах. С этого момента интеграция стала развиваться по собственным законам, фактически уже без принуждения со стороны США, хотя, безусловно, с их одобрения. Появились собственные европейские идеи о том, как надо развивать данный процесс. Один из первых политических деятелей, которого назвали идейным отцом евроинтеграции (хотя фактически её «родителями» были США), был генеральный комиссар по планированию во Франции Жан Монне. Он подготовил доклад, который лёг в основу французской декларации от 1950 г., обращённой к ФРГ, с предложением создать европейское экономическое сообщество с наднациональными органами регулирования, по существу, сформировать общий рынок. Законодательно ориентация на создание общеевропейского рынка была зафиксирована в Римском договоре от 1958 г., который подписали большинство стран Западной Европы. Договор предполагал в течение 12 лет постепенно снизить ограничения на взаимную торговлю до полной ликвидации тарифных и нетарифных ограничений, унифицировать таможенные правила и ввести общий таможенный тариф по отношению к странам вне договора. Он также предусматривал постепенную отмену ограничений на свободу жительства и экономической деятельности, на движение капиталов внутри сообщества. По существу, основные направления программы были реализованы к концу 1960-х гг.

Однако развитие свободной торговли и общего рынка создавало определённые проблемы и противоречия, преодоление которых и привело к такому уровню интеграции, который мы се-

годня называем Экономический и валютный союз (ЭВС). В нём общий европейский рынок товаров, капиталов и занятости дополнен использованием единой европейской валюты в качестве средства расчётов и платежей, а также меры стоимости товаров. Противоречия возникали вследствие того, что развивающаяся торговля и другие формы взаимодействия требовали изменений, в частности, в расчётно-платёжных механизмах, которые опосредует движение товаров, капиталов и рабочей силы.

Указанные механизмы предполагали применение в рамках общего рынка взаимно обратимых валют, курсы которых колебались относительно друг друга в зависимости от соотношения спроса и предложения. Оно в свою очередь определялось объёмами вывоза и ввоза иностранной валюты в зависимости от масштабов товарного экспорта и импорта, а также трансграничной миграции капиталов и населения. Однако в 1990-е гг. стало ясно, что система расчётов в условиях плавающих курсов валют становится неудобной. Развитие финансовых рынков, спекулятивных операций с акциями и облигациями на основе новейших информационных технологий и компьютерной техники привело к увеличению масштабов движения капиталов между странами и потому к значительным колебаниям валютных курсов. Последние создавали среди инвесторов обстановку неуверенности, а следовательно, тормозили развитие инвестиционной активности. Как говорят экономисты, возросли валютные и инвестиционные риски.

В самом деле, если, скажем, в Италии происходило резкое падение национальной валюты – лиры, то немецкий предприниматель, вложивший деньги в итальянское предприятие, недополучал доход, на который он рассчитывал при обмене полученной прибыли на марки.

Чтобы не допускать таких ситуаций, решили ликвидировать национальные валюты, заменив их единой валютой в 1999 г. в безналичном обращении и в 2002 г. в наличном. Создали еврозону, которая насчитывает в настоящее время 19 стран Евросоюза, то есть абсолютное большинство объединения. Экономический союз в виде общего рынка был дополнен валютным союзом. Решили одни проблемы, но тут же стали всё более заяв-

лять о себе другие – финансовые дисбалансы в виде бюджетных дефицитов, накопление которых превращает их в государственные долги. В результате во второй половине 2000-х гг. в Евросоюзе разразился финансовый кризис, который, с одной стороны, был связан с мировым финансово-экономическим кризисом, а с другой стороны, происходил под влиянием сугубо европейских проблем. ЕС обрёл, таким образом, двойной долговой кризис, что сделало его воздействие на экономику союза особенно болезненным.

ГЛАВА 2. ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В ЕС

2.1. Причины финансового кризиса

В полной мере кризис не преодолен вплоть до сегодняшнего дня. Высокий уровень государственного долга всё еще служит источником экономических и социальных проблем регионального объединения. О масштабах финансового кризиса свидетельствуют данные таблицы 1, которые показывают, что, несмотря на принимаемые меры, государственный долг ЕС по отношению к совокупному ВВП вырос с 57,7% в 2007 г. до 86,5% в 2014 г., затем немного снизился до 81,6% к 2017 г., но всё ещё составляет величину намного выше 60% (её считают приемлемой в плане беспроблемного обслуживания долга).

Согласно данным таблицы, наибольший относительный долг имеет Греция. Её долговые обязательства перед другими государствами, частными компаниями и международными финансовыми структурами составили в 2007 г. 103,1% к ВВП, а в 2017 г. – 178,6% – непомерно высокая величина, что почти в 3 раза превышает установленную норму в 60%. Фактически Греция находится в состоянии дефолта, поскольку не способна самостоятельно ликвидировать долги. Она держится лишь за счёт постоянных денежных вливаний европейских и международных финансовых институтов, что позволяет оттягивать развязку.

На втором и третьем месте и, видимо, в преддефолтном состоянии находятся Италия (131,8%) и Португалия (125,7%). Далее идут Бельгия (103,1%), Испания (98,3%), Франция (97,0%) и Великобритания (87,7%). Лидер ЕС – ФРГ, имеет незначительное

Таблица 1

Государственный долг стран ЕС (в % к ВВП)¹

Страны/годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЕС в целом	57,5	60,8	73,4	78,9	81,5	83,9	85,8	86,5	84,5	83,3	81,6
Еврозона в целом	65,0	68,7	79,2	84,6	86,6	89,7	91,6	91,9	89,9	89,0	86,7
Австрия	65,0	68,7	79,9	82,7	82,4	81,9	81,3	84,0	84,6	83,6	78,4
Бельгия	87,0	92,5	99,5	99,7	102,6	104,3	105,5	107,0	106,1	105,9	103,1
Франция	64,5	68,8	83,0	85,3	87,8	90,6	93,4	94,8	95,6	96,0	97,0
Германия	63,7	65,2	72,6	80,9	78,6	79,8	77,5	74,9	71,0	68,2	64,1
Греция	103,1	109,4	126,7	146,2	172,1	159,6	177,4	178,9	176,8	180,0	178,6
Ирландия	23,9	42,4	61,5	86,1	110,3	119,6	119,4	104,5	76,9	72,8	68,0
Италия	99,8	102,4	112,5	115,4	116,5	123,4	129,0	131,8	135,1	132,0	131,8
Португалия	68,4	71,7	83,6	96,2	111,4	126,2	129,0	130,6	128,8	129,9	125,7
Словения	22,7	21,8	34,6	38,4	46,6	53,8	70,4	80,3	82,6	78,6	73,6
Испания	35,6	39,5	52,8	60,1	69,5	85,7	95,5	100,4	99,4	99,8	98,3
Хорватия	37,3	39,0	48,3	57,3	63,8	69,4	80,5	84,0	83,8	80,6	78,0
Великобритания	41,9	49,9	64,1	75,6	81,3	84,5	85,6	87,4	88,2	88,2	87,7
Венгрия	65,5	71,6	77,8	80,2	80,5	78,4	77,1	76,6	76,7	76,0	73,6

превышение по сравнению с нормой: ей удалось снизить уровень долга в 2017 г. примерно на 16 п.п. по отношению 2011 г.

Источники кризиса в ЕС было бы неправильно сводить только к тем причинам, которые породили всеобщий мировой финансовый кризис. Сам Евросоюз, действующие в нём институты имеют такие особенности, которые формируют внутренне присущие объединению противоречия, нарастание которых создаёт предпосылки кризиса. Следовательно, на мой взгляд, необходимо различать внешние и внутренние причины европейского финансового кризиса.

К внешним причинам, например, принадлежит тесная связь банков ЕС с американскими финансовыми структурами. Речь идёт о том, что американцы активно инвестировали в финансовые структуры ЕС, предоставляя как традиционные кредиты, так и проводя операции с использованием современных производных финансовых инструментов, порождающих огромные финансовые пузыри. Прямые инвестиции американских инвесторов в европейскую экономику были также весьма значительны. По этой причине финансовый кризис, первоначально про-

¹ Евростат. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en & pcode=tipsgo10&plugin=1>.

явившись в США, перекинулся в Европу, поскольку американские банки и другие корпорации с целью предотвратить собственное банкротство стали изымать денежные капиталы и переводить их в США. Страны ЕС, для того чтобы поддерживать национальные экономики на плаву, в этих условиях вынуждены были расходовать огромные бюджетные средства на финансирование коммерческих структур, что и обусловило увеличение в этот период государственных долгов.

К другой важнейшей внешней причине кризиса финансов в Евросоюзе следует отнести углубляющуюся глобальную диспропорцию, которую порождает опережающий экономическим рост развивающихся стран по сравнению с динамикой европейской экономики. В силу глобализации и действия законов неравномерного развития капитализма ряд стран (прежде всего азиатско-тихоокеанского региона), которые некогда были отнесены к отсталым в экономическом плане государствам, совершили весьма впечатляющий скачок на основе широкого использования западных технологий. В сочетании с низкой средней заработной платой, это позволило им обеспечить конкурентные преимущества и победу над значительной частью западных корпораций в борьбе за мировые рынки. В результате доля таких стран в мировом хозяйстве многократно возросла за последние десятилетия, в то время как доля ЕС существенно сократилась. Если в 1980 г. страны Евросоюза создавали более 28% мирового ВВП, то к 2017 г. их доля сократилась примерно до 16,5%. Одновременно рынок сделала экономика Юго-Восточной Азии и, в частности, национальная экономика Китая. Её удельный вес в мировом хозяйстве возрос почти в 10 раз и достиг в настоящее время более 18%².

Кризисная ситуация возникла в Европе в силу следующих обстоятельств. Экономика в наиболее успешных развивающихся странах растёт преимущественно за счёт увеличения экспорта товаров, производство которых из-за относительно низкой заработной платы обходится значительно дешевле, чем в ЕС. В

² Расчёты сделаны на основе сравнения ВВП с учётом ППС. См.: Panorama de l'économie mondiale. CEPII, 2012, Décembre, p.8. А также: L'économie mondiale 2019. CEPII. Éditions La Découverte, collection Repères, Paris, 2018, p. 117.

результате азиатские товары постепенно вытесняют продукцию развитых стран с мировых рынков, что позитивно отражается на торговых и текущих балансах развивающихся государств и негативно на балансах ряда государств Евросоюза. Поскольку балансовые дефициты покрываются займами, то увеличивается долг корпораций, населения, и государства.

Внутренние причины дефицитов более разнообразны и зависят во многом от конкретных страновых особенностей экономики, а также от проводимой здесь экономической политики. Высокий уровень государственного долга Бельгии, например, связан с проблемами политических взаимоотношений между центральной властью и регионами страны, а также противоречиями между регионами, что не способствовало проведению бельгийским правительством политики сбалансированного бюджета³.

Часть государственного долга Греции обусловлена коррупционной составляющей в греческом правительстве. Например, огромные закупки часто ненужной для обороны страны военной техники в Германии были связаны с коррумпированностью греческого государственного аппарата, «откатами» за согласие военных закупать вооружение. Нарастанию долга также способствовали условия предоставления Греции кредитов в целях предотвращения дефолта. Так, в обмен на согласие Германии и Франции на то, чтобы Эллада получила от международных финансовых организаций кредит в объёме 110 млрд евро, должник должен был израсходовать за счёт своего бюджета 10,5 млрд евро на закупки военной техники в Европе.

Или другой пример: существенный государственный долг ФРГ в конце 2000 – начале 2010 гг. был обусловлен необходимостью масштабного финансирования присоединённых в горбачёвскую эпоху земель, составлявших некогда Германскую Демократическую Республику.

2.2. Основное экономическое противоречие ЕС

Необходимо отметить, что среди внутренних для ЕС причин

³ См.: Сергеев Е.А. Сравнительный анализ фискальной политики Бельгии и Нидерландов в посткризисный период. Мировое и национальное хозяйство, 2017, №4. URL:<http://www.mirec.ru/2017-04/a-comparative-analysis-of-fiscal-policies-in-belgium-and-the-netherlands...>

дефицитов существуют такие, которые распространяют своё влияние на ряд стран и вытекают из институциональных особенностей Евросоюза, то есть связаны с присущими ему внутренними противоречиями. Среди них важнейшим выступает противоречие между сформированным в ЕС общим рынком и известной хозяйственной самостоятельностью и обособленностью образующих объединение государств, бюджеты которых в преобладающей степени определяет динамика развития, а также эффективность деятельности локализованных на их территории предприятий.

Общее экономическое пространство, созданное в ЕС для того, чтобы обеспечить свободу обмена результатов деятельности, беспрепятственное передвижение на территории объединения капиталов и рабочей силы, способствовало созданию условий открытой конкуренции на общем рынке. Конечно, такова была одна из главных целей создания ЭВС и проведённых реформ, так как принято считать, что конкуренция – двигатель прогресса. Она бракует слабые экономические структуры, стимулирует развитие наиболее эффективных производств, финансовых и торговых организаций. Такое мнение верно, когда оно предполагает анализ роли конкуренции вообще, в масштабе мировой экономики в целом или в рамках региональных группировок без учёта её последствий для отдельных стран. Что касается отдельных стран, то некоторые из них могут испытывать негативное влияние конкуренции, которая способна препятствовать их экономическому росту, увеличивать безработицу, порождать дефициты государственных бюджетов и торговых балансов. Негативные последствия конкуренции возникают потому, что корпорации, которые вступают в конкурентную борьбу на мировых и региональных рынках, «прописаны», зарегистрированы в той или иной стране, где они уплачивают налоги, нанимают служащих и рабочую силу. В результате получается так, что конкуренция между предприятиями на общем рынке неизбежно превращается в некую конкурентную борьбу между государствами, заинтересованными в том, чтобы локализованные на их территории предприятия выжили и добились коммерческого успеха. В противном случае государствам грозит ком-

плекс неприятностей: рост дефицитов торгового баланса и государственного бюджета, увеличение государственного долга и задолженности местных предприятий, возрастание безработицы и деградация социальной инфраструктуры, поскольку сокращаются возможности государственного финансирования.

Угроза дальнейшего развития ситуации в таком направлении заставляет страны, экономика которых не выдерживает конкуренции, прибегать к защитительным мерам, чтобы преодолеть неблагоприятный тренд. Действенными и проверенными мерами, которые наиболее эффективно способны оградить национальный бизнес от открытой конкуренции, служат соответствующая собственная государственная политика регулирования курса национальной валюты, таможенные тарифы и нетарифные таможенные ограничения. Однако использовать их, как известно, невозможно, если страна находится в еврозоне и является членом Евросоюза. Следовательно, выход из европейской региональной организации некоторых её членов был бы вполне рациональным шагом, способным оградить национальную экономику от разорения.

Таким шагом служит, по нашему мнению, брекзит. Его причина – не только стремление Великобритании оградить себя от неконтролируемой иммиграции, но также заинтересованность государства в том, чтобы помочь национальному бизнесу, не выдерживающему конкуренцию на общем европейском рынке. Такое заключение позволяют сделать данные таблицы 2.

В таблице представлены данные 13 стран ЕС, которые разделены на 3 группы. Группировка произведена автором на базе учёта динамики 3-х показателей, характеризующих участие указанных стран во внутрирегиональной торговле: их доли в общем экспорте, доли в импорте и абсолютной величине сальдо. Соответствующие цифры приведены по состоянию на 2006, 2010, 2014 и 2017 гг. Это, впрочем, не означает, что сделанные далее на основе анализа показателей выводы не точны: тенденции, которые выявлены в ходе такого анализа, действовали также (и здесь надо верить автору на слово) в промежутках между указанными годами.

Данные таблицы позволяют судить об изменении положения

Таблица 2

Доля (в %) экспорта (Э) и импорта (И) стран – членов ЕС
в общем внутрирегиональном экспорте и импорте,
а также сальдо (С) торгового баланса (в млрд евро)⁴

Годы	2006			2010			2014			2017		
	Э	И	С	Э	И	С	Э	И	С	Э	И	С
ЕС в целом (28 стран)	100	100	77,3	100	100	68,4	100	100	68,0	100	100	90,1
Франция	10,3	12,3	-39,6	9,4	12,7	-74,6	9,0	12,2	-86,7	8,3	11,8	-109,2
Швеция	2,8	2,9	0,1	2,7	3,0	-7,0	2,4	2,9	-11,6	2,4	2,9	-16,6
Британия	8,9	11,3	-49,3	6,5	8,8	-52,7	6,2	9,6	-93,4	5,6	9,0	-109,1
Бельгия	8,9	8,2	23,2	8,8	8,2	20,6	8,5	7,8	28,8	8,2	7,1	41,5
Дания	2,1	2,0	3,3	1,9	1,8	4,0	1,8	1,8	1,4	1,7	1,8	-1,5
Ирландия	2,2	1,6	14,9	2,0	1,3	19,7	1,7	1,4	8,7	1,9	1,6	11,0
Италия	8,2	8,4	1,4	7,6	8,2	-7,3	7,5	7,1	14,9	7,5	7,3	8,7
Германия	22,4	18,9	103,0	22,4	20,3	69,3	22,1	20,8	53,8	22,4	20,8	67,7
Голландия	11,6	6,6	131,0	13,1	7,3	153,4	13,1	7,1	80,9	13,0	7,1	200,5
Чехия	2,5	2,2	5,4	3,3	2,9	13,0	3,7	3,1	18,4	4,0	3,4	22,5
Венгрия	1,9	1,8	4,5	2,2	1,8	11,2	2,3	2,1	7,2	2,4	2,2	9,4
Польша	2,8	3,0	-4,0	3,7	3,8	0,4	4,4	4,1	11,0	4,9	4,5	17,5
Словакия	1,2	1,1	2,1	1,6	1,4	6,0	1,9	1,6	8,0	1,9	1,8	5,2

отдельных стран на общем рынке ЕС (показатели экспорта и импорта) и о результатах их торгового взаимодействия с другими участниками объединения. Цифры свидетельствуют, что доля Британии в общем экспорте в рассматриваемый период постоянно сокращалась тогда, как доля в импорте увеличивалась. В результате она имела в торговле с Евросоюзом постоянный и всё возрастающий дефицит, который в 2017 г. составил 109,1 млрд евро. Та же тенденция была характерна для Франции и Швеции, которые отнесены вместе с Британией к первой группе стран ЕС. Дефицит Франции в торговле с ЕС достиг в 2017 г. 109,2 млрд евро, а Швеции – 16,6 млрд евро, – значительная величина, если её сравнивать с объёмом ВВП, произведённого в этой стране.

Конкурентные позиции стран второй группы более прочны.

⁴ Составлено автором по данным Евростат. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/> (дата обращения 07.01.2019).

Некоторое сокращение их доли во внутрирегиональном экспорте было уравновешено снижением доли импорта, что позволило Бельгии, Дании, Ирландии и Италии в основном поддерживать профицит торгового баланса.

Третья группа стран включает Германию и Голландию – государства, которые обеспечивают более трети внутрирегионального экспорта в ЕС и неизменно добиваются положительного сальдо во внутрирегиональной торговле. К этой же группе отнесены четыре государства Центральной Европы (так называемой Вишеградской группы) – Венгрия, Польша, Чехия и Словакия. Особенность этой четвёрки состоит в том, что она в последние годы неизменно наращивала свою долю поставок на общий рынок ЕС и добивалась в основном положительного сальдо торгового баланса.

Следует отметить, что в таблице представлены 13 стран ЕС. В ней отсутствуют остальные 15 государств Юга и Востока объединения (Болгария, Испания, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Румыния, Словения, Португалия, Хорватия, Эстония и др.), которые можно было бы отнести к четвёртой группе. Характерная черта этой группы заключается в том, что принадлежащие к ней страны в основном сохраняют свои экспортные позиции на рынке ЕС, однако проигрывают конкуренцию на собственных рынках: их импорт из ЕС превышает экспорт. В итоге они, как правило, на протяжении многих лет имеют отрицательный торговый баланс. Конкуренция негативно сказалась особенно на ряде стран Восточной Европы, бывших некогда республиками СССР или относившихся к социалистическому лагерю. Её результатом стало исчезновение большей части промышленности, созданной в социалистическую эпоху. Возросла безработица и миграция трудоспособного населения, ищущего достойный заработок в высокоразвитых странах ЕС.

На основе анализа представленных в таблице 2 статистических данных можно сделать вывод о том, что региональная интеграция идёт на пользу не всем участвующим в ней странам. Некоторые страны, как ядра объединения, так и его периферии в условиях открытой конкуренции терпят от торгового взаимодействия с другими экономиками ЕС, по существу, убытки, из-

меряемыми отрицательными сальдо торгового баланса. Таков немаловажный фактор развития центробежных тенденций, появившихся в последнее время в Евросоюзе.

Наибольший дефицит характерен для Великобритании. Не мудрено, что именно она решила прибегнуть к защитительным государственным мерам, чтобы оградить национальную экономику от открытой конкуренции, а брекзит представляет такую возможность.

Однако ряд стран весьма комфортно чувствуют себя на общем рынке (Германия, Голландия и страны Вишеградской группы, которые до недавнего времени относились к периферии Евросоюза). Чехия, Словакия, Польша и Венгрия смогли приспособить условия общего рынка к своим интересам, развить экспортную экспансию и на этой основе обеспечить своей экономике более высокий рост, нежели в целом по ЕС.

2.3. Интеграция и дезинтеграция

Экспансия Вишеградской группы обусловлена влиянием европейской экономической интеграции. Последняя способна как подавлять местное производство в результате открытой конкуренции на общем рынке, так и способствовать развитию местной промышленности в силу благоприятных условий для инвестиций корпораций из развитых стран регионального объединения. Однако две стороны интеграции не равнозначны. Коток конкуренции безжалостно и довольно быстро подминает под себя и ликвидирует местные хозяйства, не способные противостоять более сильным транснациональным корпорациям. В то же время приток инвестиций, во-первых, в большой мере представляет собой вероятностную категорию, то есть он вовсе не гарантирован, а во-вторых, реализация инвестиций и их превращение в высокоэффективные предприятия, продукция которых пользуется спросом на общем региональном рынке, требует довольно много времени.

Инвестиционное оживление за счёт вложений западных корпораций для отдельных стран периферии ЕС не гарантировано, поскольку вложения зависят от свободного выбора менеджмента корпораций. Несмотря на льготные условия, которые здесь

созданы для внутрирегионального движения капитала, корпорации могут посчитать, например, что выгоднее вкладывать деньги в экономику Юго-Восточной Азии, а не в страны Восточной Европы. По этой причине в балтийских странах, Болгарии, Румынии, Греции и некоторых других слабых экономиках ЕС инвестиционная активность довольно низка.

Что касается Вишеградской группы, то ей удалось привлечь существенные объёмы капиталов из развитых стран и эффективно использовать дотационные средства, выделяемые ЕС для развития инфраструктуры и перестройки структуры сельского хозяйства, что позволило существенно модернизировать хозяйство стран Центральной Европы.

Примеров внедрения в этот регион западного капитала множество. В частности, в автомобильную промышленность Венгрии вложили свои средства такие известные европейские компании, как Фольксваген, Мерседес-Бенц, Опель, Фиат, Кнорр-Бремс, Ауди. Большой автозавод построил концерн Фольксваген в Словакии. В этой же стране разместили свои производственные площадки также другие крупнейшие европейские автопроизводители – Ягуар, Пежо, Ситроен⁵.

В Польше вообще, кажется, не осталось отраслей промышленности, где не было бы заметно участие немецких компаний, с помощью которых была кардинально перестроена национальная польская промышленность и торговля. Сименс, Дойче телеком, Альянс, Фольксваген, Байер, БАСФ, Бош, Реал, Кауфлэнд, Практикер, Оби, Лидл – вот далеко не весь перечень германских компаний, действующих в этой стране.

Столь же значительно участие западных корпораций в экономике Чехии. Свыше 60% произведённой здесь промышленной продукции контролируют иностранцы. Заметна деятельность таких корпораций, как Фольксваген, Бош, Тивалл, Компьютер Ассошиэйтс и др. Основные иностранные инвесторы – компании из Германии, но кроме немецких инвестиций, в промышленность вложены немалые средства из Великобритании, Ав-

⁵ Саморуков М. Наследство соцлагеря. Почему Восточная Европа обречена жить вдвое беднее немцев. CARNEGIE.RU, 29.10.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64958>.

стрии и США⁶.

Внедрение западноевропейского капитала в Вишеградских странах и торговая экспансия последних на общем рынке, очевидно, способствовали усилению их экономического потенциала и сокращению их отставания от развитых стран Западной Европы. Сравнение уровней экономического развития обычно проводят, используя показатели валового внутреннего продукта на душу населения. Таблица 3 показывает динамику соотношения показателей ВВП на душу населения отдельных стран ЕС в период с 2004 по 2017 гг.

Таблица 3

ВВП на душу населения отдельных стран по отношению к среднему значению этого показателя в ЕС (в %, по ППС)⁷

Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЕС в целом	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Франция	109	108	106	108	108	108	107	108	107	105	104	104
Швеция	126	128	127	123	125	126	127	125	124	125	122	121
Британия	116	112	110	108	108	106	108	108	109	109	107	105
Бельгия	119	117	115	118	120	119	121	120	119	118	118	117
Дания	125	123	125	125	129	128	127	128	127	127	126	128
Ирландия	148	148	134	129	130	130	131	132	136	178	177	181
Италия	108	107	106	106	104	104	101	98	96	95	97	96
Германия	116	117	117	117	120	123	124	124	126	124	124	123
Голландия	137	139	140	138	135	134	134	135	130	129	128	127
Чехия	79	82	84	85	83	83	82	84	86	87	88	89
Венгрия	61	60	63	64	65	66	66	67	68	68	67	68
Польша	51	53	55	59	62	65	67	67	67	69	68	70
Словакия	63	67	71	71	74	74	76	76	77	77	77	76

Статистика говорит о существенном сокращении отставания Вишеградской группы за последние 10 лет по показателю ВВП на душу населения от среднего уровня экономического развития Евросоюза. В результате в 2017 г. ВВП на душу насе-

⁶ Стативка А. Неважно, кому принадлежит. 65% чешской промышленности контролируются иностранным капиталом: движущая сила развития или потенциальная угроза? Зеркало недели, 29.04.2010. URL: http://gazeta.zn.ua/ECONOMICS/nevazhno_komu_prinadlezhit_65_cheshskoy_promyshlennosti_kontro_liruyutsya_inostrannym_kapitalom_dvi.html (дата обращения 15.02.2017).

⁷ По данным Евростата. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tec00114> (дата обращения 07.01.2019).

ления Польши по отношению к средней величине по ЕС достиг 70%, Венгрии – 68%, Словакии 77%, Чехии 89%. В то же время произошло снижение этого показателя в развитых странах первой группы: в Великобритании – с 116 до 106%, Франции – с 109 до 104%, Швеции – с 126 до 121%.

Итак, евроинтеграция по-разному влияет на страны, составляющие Евросоюз. Для многих из них она формирует некомфортную экономическую реальность, что служит предпосылкой для их выхода из организации и порождает общую тенденцию к дезинтеграции. Парадокс состоит в том, что интеграция, которая позволяет создать условия открытой конкурентной борьбы и тем самым повысить эффективность в целом по региональному объединению, формирует основы дезинтеграции.

По какому сценарию может пойти дезинтеграция – особый вопрос. Вариантов несколько. Возможно, что вслед за Британией на выход устремится Франция, проигрывающая конкуренцию на общем рынке, что ещё более усилит разрушительные процессы, поскольку станет необходимым либо увеличить отчисления Германии и других высокоразвитых стран объединения в общий фонд ЕС, либо, сократить или даже закрыть программы помощи слабо развитым экономикам. В первом случае следует ожидать роста настроений сепаратизма среди населения стран-доноров и усиления позиций на политическом ландшафте тех политических сил, которые выступают за выход из Евросоюза. Во втором случае снизится заинтересованность слабо развитых государств в интеграционном проекте, поскольку они не будут получать выгоды ни от участия в общем рынке, ни от дотационного финансирования из бюджета ЕС.

Возможен также сценарий, по которому ЕС (уже без Британии) будет разделён на две части: ядро будет отделено от периферии. Первоначально это разделение может принять форму «Европы двух скоростей» (проект которой находится в стадии обсуждения), где в одну организацию войдут страны-доноры ЕС, а в другую – дотационные экономики. Далее следует ожидать, что такая трансформация закончится отказом ядра от обязательств финансово поддерживать периферию, что будет означать, по существу, возникновение на развалинах ЕС двух новых

интеграционных объединений.

Один из аргументов экономистов и политологов, считающих, что Евросоюз обладает определённым иммунитетом от дезинтеграции, заключается в том, что выход из объединения чреват большими экономическими проблемами для стран, решившихся на подобный шаг. Отчасти это положение верно, но только для слабых экономик Европы, таких, например, как Греция, имеющей гигантский государственный долг. Он образовался не только благодаря навязанной стране непомерным военным расходам, но и в результате вытеснения национальных производителей с рынка ЕС более сильными европейскими конкурентами, а также в силу ограничений, которые наложил Евросоюз на развитие традиционных сфер греческой экономики: сельское хозяйство и судостроительную промышленность.

Объективно, с точки зрения своих долгосрочных интересов, Греция должна была бы стремиться выйти из ЕС для того, чтобы использовать экономические преимущества, которые даёт собственная валюта и таможенные ограничения. Однако в краткосрочной перспективе выход из еврозоны и ЕС, переход к собственной валюте грозит стране дефолтом и чрезмерной инфляцией, бегством капиталов и ростом безработицы, поскольку страна будет лишена поддержки со стороны финансовых институтов объединения и международных финансовых организаций. Потребуется много времени, чтобы экономика адаптировалась к новым условиям, эффективно использовала для наращивания производства такие инструменты стимулирования экономической активности, как таможенные тарифы и изменённые таможенные правила, а также регулирование валютного курса собственной валюты.

Однако экономическая и политическая жизнь в любой стране построена таким образом, что зачастую коренные долгосрочные интересы приносят в жертву краткосрочным, текущим интересам. Последние доминируют, в частности, потому что логика политической борьбы требует от правящих партий поддерживать более или менее нормальную экономическую ситуацию, не допустить развитие кризиса именно в краткосрочной перспективе, чтобы удержаться у власти. Другими словами, опасе-

ния правительства, да и населения, что выход из Евросоюза приведёт немедленно к глубоким экономическим потрясениям, на наш взгляд, до поры до времени будут удерживать Грецию от этого необходимого шага.

Иная картина характерна для Великобритании. Прогнозы относительно того, что брекзит существенно ухудшит экономическое положение этой страны, как нам кажется, не состоятельны даже в плане ближайшей перспективы. Во-первых, Великобритания не входит в зону евро, а следовательно, ей не надо приспосабливаться, как Греции, к замене одной валюты другой. Во-вторых, она не нуждается в финансовой помощи Евросоюза. Напротив, выступает одним из основных его спонсоров, обладая значительной финансово-экономической мощью. Самодостаточность британской экономики позволяет ей успешно преодолеть возможные неурядицы, связанные с перестройкой торговых и иных экономических отношений с ЕС.

Правда, первоначально, после объявления о брекзите появились признаки некоторого ухудшения экономического положения: в первой половине 2017 г. упал курс фунта стерлингов, возросла инфляция, в результате произошло сокращение реальных доходов населения, что замедлило экономический рост. Однако положение дел было больше обусловлено политическими, а не экономическими факторами. Консерваторы стали терять власть. После референдума по брекзиту они утратили большинство голосов в нижней палате британского парламента, в силу чего возникла некая неопределённость на политическом ландшафте, которая повлияла на хозяйственную активность в стране⁸.

⁸ Как правильно отмечает Е.С. Хесин, «...важнейшим, а может быть единственным, объяснением ухудшения экономической ситуации в Британии стало усиление политической неопределённости в стране». (См.: Хесин Е.С. Экономическое положение Британии. В сб. «Правительство Т. Мэй – год у власти. Досрочные выборы 2017 г.». Отв. ред. Е.В. Ананьева. М., 2017 г. С. 23). «Результаты досрочных парламентских выборов 8 июня 2017 г. стали неожиданными, – пишет Е.В. Ананьева. Консерваторы, оставшись самой крупной партией в Вестминстере, не только не нарастили, но и утратили большинство... Тори сформировали однопартийное правительство меньшинства при поддержке Демократической юнионистской партии (ДЮП) Северной Ирландии, которая получила лишь 10 мест в парламенте». (См.: Ананьева Е.В. Введение. В сб. «Правительство Т. Мэй – год у власти. Досрочные выборы 2017 г.» Отв. ред. Е.В. Ананьева. М., 2017 г. С. 9).

И всё же, несмотря на негативные политические факторы, в 2017 г. реальный ВВП страны возрос на 1,8%. Быстрыми темпами развивалась британская обрабатывающая промышленность, где государственные и частные инвестиции увеличились на 4%.

Конечно, могут справедливо заметить, что возрастание британского ВВП в 2017 г. было несколько замедленным, по сравнению с ростом в предшествующие годы и с приростом экономики в целом по Евросоюзу (2,5%). Всё же, оно превышало темпы прироста этого показателя в таких странах ЕС как Италия и Бельгия.

Само наличие экономического роста в Великобритании в 2017 г. означает, по нашему мнению, что брекзит не оказал серьёзного влияния на экономическое положение страны. Если бы было не так, то следовало ожидать снижения активности в инвестиционной сфере после референдума, ибо инвесторы стали бы выводить свои капиталы в другие страны в поисках более комфортной бизнес-среды. Однако утечка капитала после объявления о брекзите не стала значительной. Надо, впрочем, отметить тот факт, что рост в определённой части был связан с улучшением мировой конъюнктуры, возрастанием спроса на мировом рынке, что благотворно повлияло на ситуацию, поскольку стимулировало расширение британского экспорта. Последнему также способствовало временное снижение курса фунта стерлингов в первой половине 2017 г. Тем не менее, есть достаточно оснований предположить, что предприниматели вряд ли воспользовались благоприятной конъюнктурой, если бы были уверены, что брекзит породит некий экономический кризис в Британии. Правильнее трактовать их поведение таким образом, что бóльшая их часть уверена в благоприятном развитии событий и в том, что страна и после брекзита будет способна обеспечивать условия для развития своей экономики.

То, что рост британской экономики продолжается и после объявления о брекзите, говорит, между прочим, об отсутствии одного из главных преимуществ, которое, как считают многие авторы, якобы обеспечивает Британии участие, в ЕС: и без членства в ЕС Британия способна наращивать национальный производственный потенциал. Другое доказательство тезиса мы ви-

дим также в том, что темпы экономического роста до присоединения к европейскому общему рынку (ЕЭС) в 1973 г. были более высокими, нежели после присоединения.

При анализе значения евроинтеграции в развитии британской национальной экономики, надо иметь в виду также следующее: один из важнейших факторов экономического роста Британии – расширение товарного экспорта. Важно отметить тот факт, что британский экспорт в страны, не относящиеся к Евросоюзу, с первой половины 2000-х гг. рос опережающими темпами по отношению к экспорту в ЕС. Отсюда, экономическое развитие островного государства всё в большей степени определяют отношения с третьими странами, а не с экономиками государств Евросоюза. Выход Британии из региональной организации способен усилить данную составляющую роста в результате высвобождения страны из пут ограничений, которые налагают правила ЕС, препятствующие самостоятельному, без участия Брюсселя, налаживанию британским бизнесом эффективных торговых и иных экономических отношений с контрагентами, действующими вне юрисдикции европейской группировки.

* * *

Интересно отметить, что практика функционирования европейского интеграционного объединения опровергает выводы многих известных теоретических разработок, посвящённых характеру взаимодействия национальных экономик в рамках региональных интеграционных группировок. Евросоюз представляет собой организацию, членами которой выступают государства с разными уровнями развития. Его структура, следовательно, может быть представлена в форме двух элементов: с одной стороны, совокупность государств с развитой экономикой (центр), а с другой стороны, относительно отстающие в развитии страны (периферия).

Отношения между этими элементами исследовали многие учёные. Один их первых исследователей этой проблемы – Дж. Фридманн. В своей книге «Политика регионального развития» (1966 г.), он пришёл к выводу, что центр неизбежно подчиняет своим интересам периферию, которая служит для него в основном источником ресурсов и обречена экономически и техноло-

гически на постоянное отставание⁹.

Такую же позицию отстаивал известный латиноамериканский экономист Рауль Пребиш – автор теории индустриализации на основе замещения импорта. Его точка зрения состояла в том, что интеграция даёт преимущества исключительно развитым экономикам. Что касается слабо развитых стран, то, по его мнению, интеграция не только не позволяет им расширять рынок сбыта для национальной промышленности, но и оборачивается утратой собственных национальных рынков, которые захватывают корпорации центра. Предотвратить экспансию последних учёный предлагал на основе специальной государственной политики индустриализации, которая была бы направлена на развитие собственного национального производства, способного ограничить экспорт из развитых стран¹⁰.

Однако в тех же 1960-х гг. была сделана и попытка обосновать иную точку зрения. Ей была посвящена работа М. Кренина «О динамических эффектах таможенного союза»¹¹. Автор делает выводы о том, что региональная интеграция идёт на пользу, прежде всего небольшим странам, поскольку она открывает для них обширные рынки стран-партнёров. Концепция М. Кренина послужила теоретической основой для политики современной евроинтеграции. Она также питает иллюзорные идеологические представления, распространяемые западными СМИ, о том, что членство стран Центральной и Восточной Европы в Евросоюзе способно обеспечить всем им быстрое экономическое развитие и решение многих социальных проблем.

Накопленный опыт евроинтеграции, однако, говорит совершенно об ином: от интеграции не выигрывают поголовно все развитые страны, также как не получают достаточного импульса к развитию и все слабые экономики и небольшие государства. Часть и тех и других в силу определённых обстоятельств действительно добиваются успеха. Другая часть утрачивает способ-

⁹ Friedmann John. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press. 1966. 279 p.

¹⁰ Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА. 1992. 337 с.

¹¹ Kreinin M. On the Dynamic Effects of a Customs Union. The Journal of Political Economy. 1964. №72 (2). P. 193-195.

ность к интенсивному росту в силу недостаточной конкурентоспособности на общем рынке. Здесь неизбежно возникают финансовые дисбалансы, растёт безработица и обостряются социальные проблемы.

ГЛАВА 3. ЗОНА ЕВРО И ЕЁ ПЕРСПЕКТИВЫ

3.1. Противоречие зоны евро

Зона евро составляет основу Евросоюза. В неё входят 19 из 28 стран объединения. Основные проблемы, перечисленные выше присущи и этой части ЕС. К ним, добавляются ещё и проблемы, свойственные валютной интеграции.

Именно валютная зона делает Евросоюз уникальным явлением мировой экономики. Его своеобразие, однако, усиливает противоречия европейской интеграции. К противоречию между общим рынком и экономической обособленностью государств ЕС добавляется противоречие между единой валютой и экономической обособленностью. Возможно, по этой причине – наложения одного противоречия на другое – в течение последних 10 лет совокупный государственный долг по отношению к ВВП в еврозоне был неизменно выше, чем в целом по ЕС (см. табл. 1).

Суть противоречия зоны евро состоит в том, что Европейский центральный банк единую валюту и общую монетарную политику применяет как будто валютное объединение – одно государство. В то же время участвующие в нём страны сохраняют свою определённую финансово-экономическую и правовую обособленность, то есть зона евро представляет собой совокупность отдельных государственных образований, каждое из которых обладает собственными финансово-бюджетными системами. Их экономическая обособленность проявляется также в зависимости государственных доходов и уровня жизни населения от особенностей и конкурентоспособности хозяйств, расположенных на их территории. Таким образом, общая валюта и единая денежно-кредитная политика, которая не учитывает особенности отдельных стран, для некоторых из них может оказаться весьма ущербной. Это относится в первую голову к членам ЕС со слабой экономикой.

Действительно, использование единой валюты придаёт конкуренции между корпорациями стран зоны более острые формы, нежели в рамках единого таможенного пространства. Оно не даёт проигрывающим конкуренцию экономикам применить «последний рубеж обороны» – защитительную государственную политику низкого курса национальной валюты. Такие государства лишены также способности самостоятельно оперировать инструментами монетарной политики для того, чтобы поддерживать в случае необходимости национальную экономику денежными средствами за счёт эмиссии и расширения рефинансирования центральным банком кредитных организаций.

О негативном влиянии еврозоны на слабые экономики пишет и О.В. Буторина. «Создание евро, – считает она, – нарушило действие некоторых автоматических стабилизаторов экономики и создало новые источники асимметрии в валютно-финансовой системе еврозоны»¹². Поскольку национальные валюты были ликвидированы, исчезли объективные критерии в форме показателей динамики валютных курсов, которые некогда позволяли правильно оценивать риски вложения денежного капитала в проблемные экономики. Это привело к накоплению корпоративных и государственных долгов и созданию на этой основе кризисной ситуации. Рост заёмного финансирования при первых признаках кризиса обернулся «ажиотажным выводом капиталов из периферийных стран еврозоны», что стало причиной потрясений на европейских финансовых рынках¹³.

Определённым источником дисбалансов служит, по мнению О.В. Буториной, и единая процентная политика Европейского центрального банка. Гармонизированный (средний по еврозоне) индекс потребительских цен, который использует ЕЦБ в качестве ориентира для антиинфляционной политики, тяготеет к ценам наиболее значительных экономик ЕС (Германия, Франция, Италия). Установленные центральным банком на его основе процентные ставки с целью таргетировать инфляцию оказываются для многих странах заниженными (там, где индекс по-

¹² Буторина О.В. К проблеме асимметрии в валютно-финансовой системе еврозоны. Деньги и кредит. 2014. № 2. С. 61.

¹³ Там же.

требительских цен более высокий). «Следовательно, ЕЦБ невольно способствовал перегреву их экономики и усилению кризисных явлений»¹⁴.

Важно отметить, что основное противоречие еврозоны не может быть преодолено без изменений характера действующих в Еврозоне институтов. Таково противоречие институционального типа между фундаментальными элементами установленного здесь порядка. Следовательно, оно может быть упразднено в результате изменения этого порядка: либо за счёт перехода к более высокой ступени интеграции путём преобразования зоны евро в единое государство федеративного типа с общим государственным бюджетом, единой налогово-финансовой системой, либо в результате расформирования зоны и возвращения входящих в неё государств к национальным валютам и собственной монетарной политике.

В рамках же действующих институтов, то есть при сохранении отмеченного несоответствия между единой валютой и экономически обособленными государствами, бесконечно долго избегать обострения экономических проблем в отдельных странах-участницах было бы возможно лишь при соблюдении определённой совместимости, взаимодополняемости интегрируемых в зоне экономик, что не осуществимо в полной мере в условиях капиталистической организации хозяйства. Дело в том, что основные решения о производстве и инвестировании принимают частные лица и корпорации, каждая из которых стремится добиться передела рынков в свою пользу, что влияет на экономическую ситуацию в отдельных странах и их место в системе разделения труда.

В концепциях, послуживших теоретическим основанием для создания еврозоны и получивших название теории оптимальной валютной зоны, проблема конкуренции получила отражение, прежде всего, в известной работе Питера Б. Кенена «Теория оптимальных валютных зон: эклектический подход»¹⁵. Автор де-

¹⁴ Там же. С. 62-64.

¹⁵ Kenon Peter B. The Theory of optimum currency areas: an eclectic view. В сб. под ред. Mundell R.A., Svoboda A.K. «Monetary problems in the international economy». Chicago, London: University of Chicago Press, 1969. P. 41-60.

лает вывод, что создавать оптимальную валютную зону целесообразно из числа стран с диверсифицированной экономикой, поскольку при усилении конкуренции они имеют возможность относительно оперативно переориентировать ресурсы на выпуск и экспорт тех продуктов, которые соответствуют внутризональному спросу. Таким образом, они могут занять наиболее выгодную нишу в системе разделения труда в рамках валютной зоны. Однако очевиден недостаток позиции автора: он ничего не говорит о том, как быть странам, которые не могут занять такую нишу в силу разных обстоятельств и прежде всего потому, что в целом не выдерживают конкуренцию в еврозоне. Иными словами, концепция не учитывает фактор разного уровня конкурентоспособности у членов объединения, что делает фактически невыгодным и проблематичным участие в зоне стран, проигрывающих в конкурентной борьбе.

Надо сказать, что евроинтеграция первоначально до 2000-х гг. проходила в довольно благоприятной обстановке, поскольку в ней участвовали конкурентоспособные высокоразвитые страны Западной Европы, экономики которых постепенно адаптировались друг к другу. В результате возникало некое подобие их совместимости и взаимодополняемости. Однако и эта идиллия была разрушена к началу XXI в., поскольку мало-помалу конкуренцию стала выигрывать Германия, оттесняя на второй план корпорации Франции, Италии и других промышленно развитых государств.

Неудачным по своим результатам можно назвать участие в еврозоне недавно присоединившихся к ней стран юга Европы, таких как Греция, а также государств восточной её части, относившихся некогда к социалистическому лагерю. Из-за низкой конкурентоспособности им не удалось (за исключением Вишеградской группы) обеспечить себе достойное место в европейском разделении труда. Их экономика подверглась значительным шокowym воздействиям после вступления в ЕС и зону евро, поскольку была не готова к эффективному взаимодействию с региональной организацией в условиях открытой конкурентной борьбы.

В известной мере вина лежит на тех критериях, которые ис-

пользуют в ЕС при вступлении в зону евро новых её членов. Критерии не содержат наиболее важные требования – высокий уровень конкурентоспособности и наличие специализации, которая бы обеспечивала новым членам валютного объединения быструю и эффективную адаптацию в условиях обращения общей валюты.

Действительно, в соответствии с резолюцией Европейского совета от 1995 г. для того, чтобы быть принятой в еврозону, любой стране Европы достаточно обладать неким «финансовым здоровьем»: не превышать установленные пределы по дефициту государственного бюджета, государственному долгу, инфляции, ставок по долгосрочным кредитам и колебаний курса национальной валюты.

Устанавливая такие критерии, Евросоюз, кажется, обеспечивает определённую финансовую стабильность организации. Однако в долгосрочном плане они, по нашему мнению, вовсе не гарантируют еврозоне отсутствие коллизий. Дело в том, что этим критериям кратковременно, «затянув пояса», перед вступлением в еврозону способны отвечать любые, даже самые слабые, экономики. Но затем негативные факторы берут верх: финансовая несостоятельность таких стран проявляется в полную силу, в частности, потому, что она вовсе не грозит исключением из зоны. К тому же (и возможно такова самая важная причина), после вступления в еврозону страна попадает в новую для себя финансово-экономическую среду, где используемые ранее методы поддержания финансовой стабильности перестают эффективно работать.

Характер такой среды определяется, как уже было сказано, тем, что использование единой валюты погружает страны в состояние открытой неограниченной конкуренции, где не только невозможно прибегнуть к защитительным свойствам курса национальной валюты, но и государства лишают права самостоятельно поддерживать национальные предприятия финансовыми и иными способами.

Чтобы не допускать экономически слабые страны в еврозону, руководство союза должно было бы применять не финансовые (и в известной степени конъюнктурные) критерии для отбо-

ра кандидатов, а фундаментальные показатели, характеризующие их экономический потенциал и их совместимость с региональной экономикой в целом: уровень конкурентоспособности, производство ВВП на душу населения, степень участия в европейском разделении труда и т.д. Очевидно, если бы такие критерии применяли, то еврозона и Евросоюз в целом выглядели бы совершенно иначе: они бы не досчитались многих стран из тех, что в настоящее время имеют значительные торговые и финансовые дефициты.

Вообще, проблема включения экономически слабых стран в ЕС и зону евро свидетельствует об одном весьма характерном свойстве евроинтеграции. Её мотором до сих пор – в силу преобладания в руководящих органах объединения представителей западноевропейских стран – служат интересы этих стран и корпораций, которые за ними стоят. Западной Европе выгоден относительно мягкий финансовый подход при оценке кандидатов, поскольку он не создаёт препятствий для вовлечения в западную орбиту практически любых европейских стран. В настоящее время оно важно для Запада не только с экономической точки зрения (беспрепятственный захват новых рынков), но и с политической, ибо позволяет, например, на Востоке Европы продолжать вести игру, цель которой – максимально ослабить влияние России на страны, которые ещё остаются вне Евросоюза.

В итоге Евросоюз и еврозона представляют собой объединение государств с существенно различными уровнями конкурентоспособности и экономического развития, а значит здесь неизбежно будут возникать кризисные ситуации на основе нарастания торговых и бюджетных дефицитов в отдельных странах объединения.

Надо отметить, что исследователи проблем европейской интеграции до недавнего времени редко принимали во внимание этот источник дисбалансов. Основной упор делали на описание её преимуществ, которые якобы обеспечивают экономический рост и решение основных социальных проблем. К таким преимуществам отнесены: низкие транзакционные издержки в расчётах с использованием единой валюты; незначительная волатильность валютного курса, обеспечиваемая единым централь-

ным банком, который обладает крупными запасами иностранной валюты; низкая инфляция в результате жёсткой единой монетарной политики ЕЦБ; облегчённый доступ европейских компаний к европейскому рынку капиталов.

Безусловно, эти преимущества играют положительную роль для экономики региона в целом, но для ряда стран, не выдерживающих конкуренцию, на фоне их экономических потерь от участия в зоне, они, в сущности, не представляют благо. Более того, для таких стран единая валюта и общая монетарная политика служат негативным фактором, ибо не даёт им права самостоятельно и в своих интересах оперировать курсом национальной валюты, процентными ставками, поддерживать кредитами отечественное производство. К слову сказать, три страны Вишеградской группы (Венгрия, Чехия и Польша) именно по этой причине не только не намерены вступать в еврозону, но и не привязывают свою национальную валюту к евро, как предписано правилами ЕС. Это позволяет им довольно успешно применять управляемый валютный курс, собственную монетарную политику, чтобы стимулировать торговую экспансию на общем рынке объединения и обеспечивать рост национального производства.

Резюмируя всё сказанное выше относительно зоны евро, можно отметить следующее. Еврозона, представляет собой валютное объединение, в котором комфортно чувствуют экономики с высоким уровнем конкурентоспособности. Единая валюта предоставляет им возможность быстро наращивать внутрирегиональный экспорт, вытеснять конкурентов, увеличивать свою долю на общем рынке, развивать национальное производство. Иначе складывается судьба аутсайдеров. Участие в зоне подавляет их способность расширять производство, решать финансовые и социальные проблемы. Они уступают своё место не только на общем, но и на своих национальных рынках в пользу более сильных конкурентов. Иными словами, зона евро представляет собой валютное объединение, в котором взаимодействие экономик происходит таким образом, что выигрыш одних стран сопровождается проигрышем других, подрывая основы единения и служа фактором дестабилизации зоны и ЕС в целом, формируя предпосылки его дезинтеграции.

3.2. Меры по сохранению зоны евро и ЕС в целом

Каким образом действует Брюссель, чтобы сохранить зону евро и не допустить её дезинтеграции? Кардинальным решением было бы устранить характерное для неё основное противоречие между единой валютой и финансово-экономической общностью входящих в неё стран, преобразовав последние в некие части единого государства. Такое государство имело бы единую финансовую систему общий государственный бюджет, соответствующий использованию общей валюты. Кстати, необходимость этого понимали некоторые теоретики валютных зон. Так, Дж. М. Флеминг, известный своими трудами по проблемам валютной интеграции, отметил в одной из своих публикаций, что в валютном объединении нескольких стран только единая бюджетная политика, предусматривающая использование трансфертов для поддержки отстающих территорий, способна упразднить проблему платёжных дисбалансов¹⁶. Данное государственное образование вполне можно было бы назвать часто упоминаемым ещё в начале XX в., а также в современных научных исследованиях и СМИ наименованием «Соединённые Штаты Европы». Это было бы государство федеративной формы устройства, где дефициты местных бюджетов покрывают дотациями за счёт перераспределения централизованных государственных доходов, как в настоящее время происходит, например, в Германии или Франции.

Однако превращение еврозоны в одно государство в настоящее время практически невозможно. Оно означало бы фактическое понижение уровня жизни в высокоразвитых странах Западной Европы, на что последние пойти не готовы. По этой причине лидеры еврозоны не намерены в полной мере финансировать отстающие экономики. Они обогащаются за счёт освоения общего рынка и присвоения дохода, который могли бы получать отстающие страны в случае применения защитных мер, но не собираются отдавать в общее пользование какую-либо значительную часть этого дохода.

Доказательством служат многочисленные высказывания ру-

¹⁶ Fleming, J. Marcus. On exchange rate unification. *Economic journal*. Vol. 81 (September 1971). P. 467-488.

ководства государств Западной Европы, а также незначительный (около 1%) и практически неизменный в течение многих лет по отношению к ВВП общий бюджет Евросоюза. Не предполагают никаких мероприятий по созданию единого бюджета и принятые в ЕС программы развития. Препятствуют и настроения населения ряда развитых стран ЕС, что проявилось, например, в отрицательных результатах голосования по проекту Конституции Евросоюза, которая была способна заложить фундамент под здание федеративного устройства. Было бы неправильно считать, что эти настроения переменятся и в более отдалённой перспективе. Напротив, следует полагать, что в силу укрепления на политическом поле ЕС позиций правых политических сил, националистических и сепаратистских тенденций, будущее не сулит союзу долгой жизни и процветания.

Но если не получается решить проблему основного противоречия кардинально, то используют паллиативные меры, которые не ликвидируют причины торговых и финансовых дисбалансов в еврозоне, а направлены, главным образом, на устранение их неблагоприятных последствий. Указанные меры довольно многочисленны, но могут быть разделены всего лишь на два вида.

С одной стороны, это разнообразные формы поддержки попавших в трудное финансовое положение государств со стороны соответствующих институтов ЕС и финансовых организаций международного уровня. Обычно такая поддержка выражается в кредитовании и выкупе облигационных займов этих стран. С другой стороны, применяется ряд способов воздействия, чтобы заставить эти государства сократить бюджетные расходы на финансирование государственного аппарата, пенсионной сферы, здравоохранения, образования и т.д.

Первый вид включает в себя, например, такие меры, как: выкуп центральным банком долгов и облигаций стран Еврозоны; выдача кредитов и их продление на срок до 20 лет; предоставление на возвратных основах финансовых средств фондом, специально образованным для оказания помощи слабым экономикам и действующим в рамках Механизма финансовой стабильности; изменение действующего законодательства ЕС и внесение для

этого в ст. 125 Лиссабонского договора поправки, позволяющей государствам – членам еврозоны оказывать друг другу финансовую помощь.

К мерам второго вида, в частности, относится предоставление Брюсселю права координировать бюджеты стран ЕС, рекомендовать способы их урегулирования в случае угрозы появления дефицитов; штрафовать государства, у которых бюджетный дефицит и государственный долг превышают установленные нормы; ставить в зависимость оказание финансовой помощи неблагополучным странам от выполнения ими предписаний по устранению дисбалансов.

Официальные документы, которые легализовали меры, призванные воздействовать на проблемные государства Еврозоны и ЕС, за последние 20 лет претерпели определённую эволюцию. В её основе лежало стремление повысить их эффективность. С 1997 г. действовал, так называемый Пакт стабильности и роста, принятый по решению Совета Европы¹⁷, который, впрочем, оказался малоэффективным: финансовые дисбалансы нарастали. Обострение проблемы заставило принять более жёсткие меры. В 2005 г. в пакт внесли коррективы, согласно которым участники еврозоны при превышении дефицита бюджета свыше 3% к ВВП и государственного долга более чем на 60% к ВВП, должны были платить значительные штрафы. Однако и в таком варианте пакт был малодейственным, поскольку процедура наложения санкций оказалась весьма громоздкой. Она предполагала до введения финансовых санкций длительные переговоры с участием руководящих структур, таких как: Совет Евросоюза по экономическим и финансовым вопросам (ЭКОФИН) и Комиссии ЕС. В результате таких переговоров принимались соответствующие решения. На их основе затем ЭКОФИН рекомендовал правительству страны, подпадавшей под санкции, конкретные мероприятия, которые, по его мнению, могли улучшить финансовое положение. Если правительство не выполняло рекомендации и не получало удовлетворительный результат, страна могла быть подвергнута наказанию. Сначала она была обязана внести депозит, величина которого варьировалась от 0,2 до 0,5%

¹⁷ Ecofin Council regulation 1005 and 1006. Brussels, 2005.

к ВВП. Затем, при условии, что в течение 2-х лет дефициты не сокращались, ЭКОФИН получал право взыскать депозит в качестве штрафа, который перечисляли на счета стран, соблюдающих финансовую дисциплину.

Между тем система имела недостатки. Они состояли не только в длительности процедуры, предшествовавшей санкциям, но и в том, что само наказание не было неотвратимым. Экофин получил право налагать санкции, но в пакте не был оговорён обязательный порядок их применения. Кроме того, передача депозита была в определённой мере добровольным делом страны, на которую обращались санкции: если страна депозит не вносила, то это не грозило ей исключением из зоны евро. Размеры штрафов были также слишком высокими и неподъёмными для многих стран, в особенности для тех, что имели чрезмерные дисбалансы. Отсюда новая система санкций стала малоэффективной. И действительно, ни один случай применения штрафов в соответствии с Пактом во второй половине 2000-х гг. отмечен не был, несмотря на возрастание в этот период государственного долга и наличия значительных бюджетных дефицитов у многих стран региона.

Стало понятно, что необходимы новые коррективы, ибо ситуация развивалась в негативном направлении. Несбалансированность финансов стала реальной угрозой для самого существования еврозоны и ЕС. В марте 2012 г. выпустили новый документ под названием «Договор о стабильности, координации и управлении в экономическом и валютном союзе»¹⁸.

Договор не отменяет, а дополняет Пакт стабильности. Его назначение – усилить воздействие на страны с тем, чтобы они выполняли в полном объёме обязательства по снижению финансовых дефицитов. Он содержит несколько положений, введение в практику которых, по мысли авторов документа, способно усилить финансовую дисциплину:

– согласно договору, сокращены штрафы за чрезмерные дефициты, величина которых не может превышать 0,1% от ВВП

¹⁸ См. текст договора: Treaty on Stability, Coordination and Governance in the Economic and Monetary Union. URL: <http://european-council.europa.eu/eurozone-governance/treaty-on-stability>.

соответствующей страны;

– установлен новый критерий оценки финансового положения государства: его бюджет считается сбалансированным, если дефицит не превышает 0,5% от ВВП. Допустимо увеличение дефицита до 1%, если государственный долг страны ниже 60%;

– увеличение дефицита по отношению к предельной величине госдолга служит основанием для запуска автоматического механизма коррекции. Это означает, что правительство страны в сотрудничестве с Европейской комиссией составляют программу по устранению дефицита, где указывают конкретные даты выполнения отдельных этапов программы. Контроль за реализацией программы возложен на Европейскую комиссию, которая вправе (также как и любой другой участник ЕС) обратиться в суд, если страна допускает отставание в реализации программы. Суд вначале выносит предупреждение об отставании, и если последнее не возымеет действия, налагает штраф, который страна перечисляет в фонд Механизма финансовой стабильности или в бюджет ЕС;

– важное положение договора предписывает участникам объединения зафиксировать в национальных законодательствах установленные нормы сбалансированности бюджетов, а также обязательства, связанные с коррекционным механизмом. Расчёт сделан на то, что это усилит воздействие на национальные правительства, повысит их ответственность за выполнение договора;

– установлена норма сокращения государственного долга, если он превышает 60%, то страна обязана ежегодно его уменьшать на $\frac{1}{20}$ часть по отношению к ВВП.

Соглашение подписали все члены Евросоюза за исключением Великобритании и Польши. Оно, безусловно, серьёзный шаг в углублении европейской интеграции. Как пишет И.Г. Пашковская, этот документ вместе с Договором о Европейском механизме стабильности служат не только «средством выхода из сложной финансово-экономической ситуации, в которой оказался ряд государств – членов ЕС в результате мирового финансового и экономического кризиса 2008 г., и предотвращения подобных кризисов в будущем, но и знаменуют дальнейший шаг в развитии Европейской экономической и валютной интеграции го-

сударств – членов ЕС, которая составляет основу всего интеграционного процесса в Европе»¹⁹.

И действительно, договор позволяет руководящим структурам ЕС воздействовать на область, которая ранее была подвластна лишь национальным исполнительным и законодательным органам: вмешиваться в процесс национального бюджетного регулирования посредством механизма автоматической коррекции, оказывать влияние на расходную часть государственных бюджетов, объёмы финансирования поддерживаемой государством социальной сферы и т.д.

Однако не следует переоценивать значение этого соглашения, хотя статистика говорит, что в последние годы действительно постепенно снижался уровень бюджетного дефицита. Если в 2009 г. в целом по Евросоюзу и Еврозоне он составлял 6,6% к ВВП, то в 2017 г. – 1%²⁰. Определить, в какой степени снижение обусловлено усовершенствованием механизма финансовой стабилизации, достаточно сложно по той простой причине, что сокращение бюджетных дефицитов в это время происходило под действием и других факторов. И, прежде всего, влиял такой мощный фактор, как постепенное преодоление финансово-экономического кризиса. Подтверждение – в 2017 г. общий дефицит, в сущности, вернулся к докризисному уровню (0,9%), что свидетельствует, как нам кажется, о преимущественном воздействии восстановления экономики после глубокого падения в 2009 г.

В то же время и сейчас в некоторых странах еврозоны, несмотря на действие механизма автоматической коррекции, уровень дефицита по-прежнему высок и существенно превышает установленный предел. Так, в 2017 г. в Испании он составил 3,1%, Франции – 2,7%, Италии – 2,4%, Португалии – 3,0%, Румынии – 2,9%²¹. Высоким остаётся в ряде стран и уровень госу-

¹⁹ Пашковская И.Г. Деятельность Европейского Союза по актуализации правовых основ Экономического и валютного союза после мирового финансового и экономического кризиса 2008 года. Мировая политика. 2016. № 2. С. 27.

²⁰ Eurostat. Table: General government deficit/surplus. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00127&plugin=1> (дата обращения 25.11.2018).

²¹ Там же.

дарственного долга, который представляет собой, по существу, накопленный бюджетный дефицит. При сокращении в последние годы общей по еврозоне его величины с 89,9 в 2015 г. до 86,8% к ВВП в 2017 г. он возрос за это время во Франции с 95,6 до 98,5%, Греции – с 175,9 до 176,1%, оставался весьма высоким в Италии (около 131,2%), Португалии (около 124,8%) и Бельгии (103,4%)²².

Надо признать, что усовершенствование механизмов финансовой дисциплины может дать определённый эффект в плане сокращения бюджетного дефицита и государственного долга. Однако такая мера не отменяет разрушительное действие противоречий Еврозоны и тенденцию к её дезинтеграции. Тенденция просто начинает проявлять себя в иной форме – в виде обострения проблем иного характера: кризисные явления в отношениях между участниками зоны из-за необходимости финансовой поддержки стран, находящихся на пороге дефолта, перемещаются в область внутренних отношений данных стран. Греция, в частности, под нажимом Брюсселя в 2016–2017 гг., увеличив налоговый пресс на экономику и сократив государственные расходы, свела бюджет страны с профицитом, который, возможно, позволит ей несколько уменьшить уже в 2018 г. фантастически высокий уровень государственного долга. Однако принятые ради профицита меры одновременно увеличили и без того высокий уровень безработицы, сократили возможности экономического роста (ибо понизили инвестиционный потенциал страны и совокупный спрос), создали глубокое недовольство широких слоёв населения не только экономической политикой собственного правительства, но и решениями Евросоюза, который определяет эту политику. Усилились скептические настроения в греческом обществе относительно пользы, которую приносит национальной экономике участие в еврозоне и ЕС.

* * *

Формирование зоны евро фактически происходило на основе принципов, которые обосновал Роберт Манделл – известный

²² Eurostat. Table: General government gross debt. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=sdg_17_40&plugin=1 (дата обращения 25.11.2018).

экономист канадского происхождения, получивший Нобелевскую премию за теоретические разработки в области валютной интеграции. Он показал в знаменитой работе «Теория оптимальных валютных зон», как должно быть устроено денежное обращение в региональном интеграционном объединении, в котором функционирует общий рынок со свободным движением между странами товаров, капиталов и населения²³. Учёный исходил из правильного положения о том, что общий рынок неизбежно порождает скачкообразное изменение курса национальных валют участвующих в нём стран, что негативно влияет на функционирование единого экономического пространства. Внедрение единой валюты в денежный оборот регионального объединения, считал Манделл, позволяет решить эту проблему. Между тем он осознавал, что использование общей валюты и связанная с этим свободная конкуренция создаёт угрозу разорения для многих предприятий и кризисные ситуации в тех или иных странах интеграционной группировки. Однако, на наш взгляд, значение этих угроз автор теории оптимальной валютной зоны явно недооценивал. Он считал, что кризисные ситуации подобного рода могут быть устранены, поскольку мобильность капиталов и рабочей силы позволяет общему рынку регулировать безработицу, создавать в пострадавших регионах новые производства, соответствующие спросу.

Однако практика показывает недостатки теоретических постулатов. Она свидетельствует, что мобильность рабочей силы даже в условиях общего рынка может быть в ряде случаев весьма ограниченной в связи с трудностями адаптации людей к новым условиям жизни, другому языку, климату, обычаям местного населения, что не позволяет предотвращать в отдельных государствах нарастание безработицы. Греки, в частности, несмотря на весьма высокий уровень безработицы в Элладе (около 27%), весьма неохотно покидают родину в поисках работы. В некоторых других странах (Латвия, Польша) население более мобильно. Масштабная эмиграция из этих стран позволяет снизить здесь социальную напряжённость и нагрузку на государст-

²³ Mandell R. A. A theory of optimum currency areas. American Economic Review, 1961. P. 657-665.

венный бюджет, хотя и негативно отражается на национальной экономике.

Не всем странам еврозоны помогает и мобильность капитала. В некоторых из них, как было показано выше, утрата части собственной национальной промышленности была восполнена притоком иностранного капитала, тогда как в других наблюдалась совершенно иная картина: ликвидацию (вследствие недостаточной конкурентоспособности) части созданного ранее – до вступления в ЕС и еврозону – промышленного потенциала не сопровождал приток соответствующих инвестиций. В результате здесь нарастали экономические и финансовые проблемы.

ГЛАВА 4. МОНЕТАРНАЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОЗОНЕ

Использование единой валюты в еврозоне потребовало создать единый эмиссионный центр – Европейский центральный банк, придав ему функции разработчика и субъекта реализации единой денежно-кредитной (монетарной) политики, которая призвана регулировать оборот европейской валюты. Характер этого регулирования определяется рядом факторов. В значительной степени он зависит от сущности самих европейских денег. Евро – региональная валюта, которую выпускают для оборота, прежде всего, внутри валютной зоны. В определённой части она попадает в каналы мирового денежного обращения и вне объединения, участвует в формировании валютных резервов большинства стран мира. Это накладывает определённую специфику на характер её функционирования, отличает от денежных единиц с национальной спецификой. В то же время евро обладает всеми признаками современных денег вообще – вне зависимости от сферы их употребления. Общая природа денег имеет такое же большое значение для денежно-кредитной политики, какое имеет всякая причина для его следствия.

4.1. Природа денег и денежно-кредитная политика

Большинство авторов работ по проблемам денежного обращения трактуют сущность денег как совокупность неких функций, которые они выполняют в хозяйственном обороте. Так, в

фундаментальной работе Л. Харриса, выпущенной в начале 1980-х гг. под названием «Денежная теория», автор отмечает: «Деньги определяются как любой товар, который функционирует в качестве средства обращения, счётной единицы и средства сохранения стоимости»²⁴. Такое же, в сущности, определение дают американские экономисты Э.Дж. Долан, К.Д. Кэмпбелл и Р.Дж. Кэмпбелл в известном учебнике «Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика». «Все эти функции денег, – пишут они на первых страницах своей работы, – отражены в их стандартном определении: деньги – это средство оплаты товаров и услуг, средство измерения стоимости, а также средство сохранения стоимости»²⁵. Иными словами, деньги – это то, что позволяет приобретать товары, выражать (считать) их стоимость и сохранять её в виде фондов и накоплений в течение времени, когда они не используются в экономическом обороте. Эти формулировки перекликаются с положениями, выдвинутыми известными американскими экономистами И. Джонсоном и У. Робертсом. «Деньги, – пишут они, – могут иметь только функциональное определение, иначе говоря, их можно определить только с помощью способов их использования. Трудно ответить на вопрос «что такое деньги?», но и более лёгкий вопрос «как используются деньги?» не имеет однозначного ответа»²⁶.

Известно и более короткое, лаконичное определение денег: «особый товар, служащий всеобщим эквивалентом», которое сформулировал К. Маркс ещё в позапрошлом веке. Чем оно отличается от современных формулировок? Как нам представляется, лишь выделением наиболее существенного содержания в деньгах. Назначение быть всеобщим эквивалентом – это своего рода суперфункция, которая включает в себя все характерные направления использования денег. Действительно, термин «всеобщий эквивалент» не может подразумевать ничего другого, кроме двух особенностей: с одной стороны, все поступающие на рынок товары приравниваются к определённому количеству де-

²⁴ Харрис Л. Денежная теория. М., Прогресс, 1990. С. 75.

²⁵ Долан Э.Дж., Кэмпбелл К.Д. и Кэмпбелл Р.Дж. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика. Л., 1991. С. 12.

²⁶ Jonson I.C. and Roberts W.W. Money and Banking. A Marketoriented Approach. New York, 1982. P. 96.

нег, а с другой, за любой товар, который нашёл своего покупателя, последний даёт деньги в соответствии с количественными параметрами данного равенства. Таким образом, всеобщий эквивалент – это вещь, используемая, во-первых, для выражения стоимости в виде цен и, во-вторых, для обеспечения перехода товара от продавца к покупателю, от производителя к потребителю.

Отличие марксистского определения, на мой взгляд, заключено не в содержании, а в форме, деталях и нюансах. У К. Маркса базовое определение денег – абстрактно. Оно выделяет главную работу, которую выполняют деньги – служить всеобщим эквивалентом, приводить в движение товары, обеспечивать их обмен в определённых пропорциях. Оно не акцентирует внимание на конкретных формах, способах осуществления данной работы. Указанные формы – уже другой уровень абстракции, это детализованные функции, которые, как известно, также анализировал К. Маркс (в «Критике политической экономии» и «Капитале»), но уже в порядке конкретизации общего, более абстрактного определения денег. К таким функциям, как известно, К. Маркс относил следующие: мера стоимости, средство обращения, средство платежа, средство образования сокровища, мировые деньги.

По К. Марксу, деньги как мера стоимости означают, что агенты экономического механизма используют их для определения цен, которые служат конкретным выражением пропорций товарного обмена. Функции средства обращения, платежа и образования сокровищ обеспечивают циркуляцию товаров между субъектами экономики в рамках национальных границ либо путём их непосредственной покупки (когда всеобщий эквивалент одновременно с передачей товара покупателю переходит в руки продавца), либо с отсрочкой платежа, либо путём предварительного накопления денежных средств. Мировые деньги включают в себя перечисленные выше функции, но выполняемые на уровне международного обмена. Здесь они выступают в качестве международных платёжных средств и выразителя интернациональной стоимости на мировых рынках товаров и капиталов.

В сущности, данные функции нашли отражение и в определении денег у современных западных экономистов, занимающихся теорией вопроса. Правда, в их трактовке имеются некоторые особенности, которые внешне отличают их определения от марксистской позиции. Как уже было сказано, наиболее часто употребляемое определение денег (средство оплаты товаров и услуг, измерения и сохранения стоимости) предполагает три, а не пять функций. Здесь, как видно, отсутствуют функции мировых денег, поскольку последняя – всё-таки не отдельная функция, а совокупность денежных функций, перечисленных выше.

Что касается средства платежа, то его отсутствие в перечне функций не означает, что западные авторы игнорируют то содержание, которое присуще данной функции. Просто использование денег для проведения долговых операций здесь традиционно относят к функции средства обращения, имея в виду, что они так же, как и платежи за товары наличными деньгами, приводят в движение товарный оборот. «Средства обращения – деньги, используемые для покупки товаров и услуг, а также для уплаты долгов», – пишут авторы цитированной выше книги «Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика»²⁷.

Со времён К. Маркса и издания его основного труда («Капитал»), прошло более 150 лет. С тех пор характер денег существенно изменился. Их роль перестали играть особые товары, драгоценные металлы (золото и серебро), которые циркулировали не только на национальном уровне, но и в международном денежном обороте. Сейчас никакой отдельный товар не выполняет денежные функции, не служит всеобщим эквивалентом на национальных и международных рынках. Вместо этого в денежном обороте фигурируют чисто условные, символические, как пишет российский исследователь М. Портной²⁸, национальные денежные единицы (доллар, евро, динар, рубль и т. д.), эмитируемые центральными банками под кредитные и валютно-обменные операции. Тем не менее, несмотря на всю свою услов-

²⁷ Долан Э.Дж., Кэмпбелл К.Д. и Кэмпбелл Р.Дж. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика. Л., 1991. С. 26.

²⁸ Портной М.А. Деньги: их виды и функции. Институт США и Канады РАН. М., «Анкил». 1998. 166 с.

ность, они выступают денежными эквивалентами товарной массы, выполняют основные денежные функции, а некоторые из них (доллар, евро и другие валюты) служат не только для обеспечения оборота товаров и капиталов в странах своего происхождения, но и в качестве мировых денег, то есть обслуживают оборот на интернациональном уровне.

Главное положительное свойство современных денег – практическое отсутствие у них собственной стоимости, затраты на их эмиссию ничтожно малы (что и обеспечило их повсеместное внедрение в систему рыночных отношений XX в.). Однако оно имело в то же время отрицательную сторону: такие деньги обладают слабой устойчивостью, то есть склонны к обесценению, инфляционному переполнению каналов денежного обращения.

Использование таких денег было бы невозможно, если бы государство не применяло некую «подпорку» в виде денежно-кредитной политики, которая обеспечивает их относительную устойчивость. Таким образом, первоначальное назначение денежно-кредитной политики, с которым связана и причина появления этого феномена, состояла в необходимости не допустить разрушения денежной системы, поддерживать достаточную стабильность условной денежной единицы и контроль над инфляцией.

Применение денежно-кредитной политики в этих целях обнаружилось ещё одну важную её особенность: воздействие на денежную массу позволяет обеспечивать не только стабильность денежной единицы, но и стимулировать расширение спроса на товары (следовательно, и рост их производства), влиять на курс национальной валюты, состояние торгового и платёжного балансов и другие макроэкономические параметры. Государство не преминуло воспользоваться открывшимися возможностями. В результате денежно-кредитная политика стала предполагать выбор целей из многих вариантов.

На такой основе развились различные направления денежной теории, в том числе и самые значительные: кейнсианство и монетаризм, оказавшие наибольшее влияние на формирование денежно-кредитной политики в странах Запада. Кейнсианство ставит во главу угла экономический рост и связанное с ним сни-

жение безработицы, в то время как монетаризм делает упор в первую очередь на обеспечение стабильности цен. Первое течение провозглашает активное участие государства в стимулировании совокупного спроса путём прямого инвестирования бюджетных средств и расширения кредитования (в том числе и государственного). Второе – ратует за сокращение до минимума государственного регулирования, ограничивая его целями ценовой стабильности и использованием косвенных, мягких инструментов воздействия на денежную массу.

Вместе с тем история показывает, что успех денежно-кредитной политики обеспечивался не тогда, когда она слепо и неизменно следовала какой-либо одной теоретической доктрине, а когда в нужный момент извлекались на свет и использовались на практике рецепты, адекватные сложившимся условиям и возникшим задачам. Подтверждает этот тезис, в частности, денежно-кредитная политика ведущих стран Западной Европы после Второй мировой войны. В первые десятилетия после её окончания она не была ни монетаристкой, ни в полной мере кейнсианской. Задачи восстановления хозяйства и последующей его модернизации на основе достижений научно-технического прогресса требовали мобилизации всех национальных ресурсов и их эффективного перераспределения между сферами экономической деятельности. Масштабность задач была настолько грандиозна, что частный сектор был не способен решать их самостоятельно. Нужна была сила государства и его средства. Государство начинает проводить стратегию экономического роста и структурных изменений в производственном секторе, активно вмешиваясь в хозяйственные процессы и обеспечивая значительную часть инвестиций и кредитования. В сферу этой стратегии оно вовлекло и денежно-кредитную политику, которая в результате получает форму селективной политики: её формальными целями периодически объявляют то обеспечение стабильности денег (когда инфляция приобретала угрожающие размеры), то расширение кредитования, то достижение равновесия торгового и платёжного балансов. Наряду с этим на протяжении более двух десятилетий неизменной и приоритетной оставалась стоящая перед денежно-кредитной политикой задача обеспечи-

вать финансовыми ресурсами часто на льготных условиях, проекты, имеющие решающее значение для экономического роста и структурной перестройкой национального производства. Такая политика, с точки зрения теории монетаризма, не могла быть эффективной. Однако она способствовала взлёту Западной Европы к вершинам мирового экономического могущества, то есть доказала на практике свою высокую эффективность.

4.2. Исторический экскурс в европейскую денежно-кредитную политику

Период после Второй мировой войны в Западной Европе примечателен тем, что он содержит три существенно отличных друг от друга этапа развития данного региона. Первый этап (от окончания войны приблизительно до середины 1950-х гг.) связан с восстановлением экономики, пострадавшей в результате катастрофических для многих государств региона разрушений, причинённых военными действиями. Второй (с середины 1950-х по 1970-е гг.) относится ко времени повсеместного внедрения в хозяйственные системы стран данного региона самых современных технологий производства товаров и услуг, создания высококоразвитого экономического комплекса отраслей промышленности, сельского хозяйства и, как результат, быстрого выдвижения европейской экономики на лидирующие мировые позиции.

Третий этап берёт начало в 1970–80 гг. и простирается до настоящего времени. Характерно для него то, что Западная Европа утверждается в мире как один из доминирующих центров экономической и политической силы, сравнимой и способной конкурировать (во всяком случае, в экономическом плане) с Северной Америкой. Другая важная черта этого периода состоит в либерализации экономической жизни общества, значительном сокращении участия государства в регулировании экономических процессов и в соответствующем возрастании роли рыночных механизмов регулирования движения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы. К особенностям данного периода относятся также возрастающее участие капитала Западной Европы в транснационализации экономики и создании глобальных рынков.

Государства Западной Европы, действуя в интересах национального бизнеса и отечественной экономики в целом, учитывали в своей экономической политике характерные особенности данных периодов. Государственная экономическая политика (и важнейшая её денежно-кредитная часть) в силу данной причины претерпевала серьёзные изменения по мере того, как экономика региона поднималась по ступенькам зрелости к могуществу мирового масштаба.

Если оставить в стороне малозначительные нюансы и некоторые национальные особенности, присущие отдельным странам (которые, конечно, придают определённое своеобразие их государственной политике), то характер этих изменений выразился главным образом в следующем. Общая тенденция развития экономической политики основных европейских стран состояла в движении от форм «грубого государственного вмешательства» (путём участия в финансировании экономического роста и создания современной экономической структуры, введения всевозможного рода ограничений для вывоза капитала и деятельности иностранных конкурентов) через постепенное ослабление государственного регулирования экономической жизни. Так был создан либеральный бизнес-климат, при котором прямые меры поддержки экономики заменяют косвенными, мягкими и малозаметными манипуляциями в основном денежно-кредитного и налогового характера. В то же время снимаются барьеры для экспорта и импорта национального капитала, а также для беспрепятственного движения товаров через государственные границы в рамках регионального объединения.

Новые условия развития требовали трансформации денежно-кредитной политики. Её методы, инструментарий и цели не оставались неизменными. В период, острой нехватки инвестиционных ресурсов, связанной с послевоенным восстановлением, реконструкцией производственного аппарата и преобразованием производственной структуры, денежно-кредитная политика служила подчинённым элементом общей государственной стратегии экономического роста, то есть она не была самостоятельной частью экономической политики. Соответственно и деятельность главного государственного органа, который разраба-

тивал и проводил денежно-кредитную политику – центрального банка – в большой степени подчинялась решениям национальных правительств.

Каждая из стран в силу своих экономических и политических особенностей сумела сформировать в этот период собственный специфический механизм экономического роста, который везде, однако, имел общую единую черту: он был основан на активном участии государства в процессе превращения сбережений в инвестиции. Этот механизм позволил решить задачи послевоенного восстановления экономики и создания передовой промышленной структуры, ведущую роль в которой стали играть самые современные отрасли и технологии производства. В то же время в разных странах данный механизм роста функционировал с разной степенью эффективности: наибольший прирост национального дохода на душу населения наблюдался в Западной Германии, меньший, но всё же довольно значительный прирост, имел место во Франции, более низкие значения данного показателя были характерны для Великобритании.

Воздействие государства на общую величину денежной массы вроде бы не всегда говорило о том, что денежно-кредитная политика служит целям роста. И действительно, мероприятия центрального банка по снижению процентной ставки и общему расширению кредитования нередко сменялись мерами по сжатию денежной массы. И всё же даже в периоды, когда ставились цели общего сокращения кредитования экономики, политика роста доминировала: государство во всех трёх странах неизменно придерживалось селективного подхода, обеспечивая приоритетное и льготное финансирование развития наиболее важных производственных отраслей и предприятий. Большую роль при этом играли государственные кредитно-финансовые институты.

В разных странах селективную политику, однако, проводили в различных комбинациях с другими компонентами механизма роста. В Западной Германии действовала не только система льготного и целевого кредитования экспортных производств со стороны, прежде всего, государственных кредитных институтов, но и применялась политика поддержания более высокой по сравнению со многими другими странами Западной Европы це-

новой стабильности, в частности, путём относительно высокого процента. Последнее обеспечивало, в условиях фиксированных в соответствии с Бреттонвудскими соглашениями курсов европейских валют, заниженный курс марки по отношению к её валютному паритету. В результате Западной Германии удалось создать чрезвычайно выгодные финансовые условия для национальных экспортёров и обеспечить высокую инвестиционную активность в стране вплоть до начала 1970 гг.²⁹

В Британии крупнейшие кредитные институты, связанные специальным соглашением с Банком Англии, занимались по его распоряжению кредитованием наиболее важных с государственной точки зрения инвестиционных объектов. Вместе с тем при посредстве данных банков и путём размещения государственных займов обеспечивалась концентрация в государственном бюджете инвестиционных ресурсов для финансирования передовых отраслей национального хозяйства. Кроме того, денежно-кредитная политика здесь, в отличие от Западной Германии, была нацелена на поддержание низких процентных ставок, что давало возможность облегчить правительству бремя по обслуживанию государственного долга³⁰.

Во Франции кредитные институты (в большинстве своём были государственными) проводили селективную политику кредитования объектов приоритетного развития, финансируя долгосрочные проекты в соответствии с планами развития национальной экономики. Такое кредитование должны были обеспечить долгосрочные источники кредитных ресурсов, объём которых в этой стране был в послевоенный период крайне ограничен. Вместе с тем в депозитных банках и сберегательных кассах концентрировались весьма значительные краткосрочные вложения населения. В этих условиях денежно-кредитная политика была направлена на трансформацию краткосрочных ресурсов в источник долгосрочных вложений. Инструментом трансформации стало рефинансирование банковских кредитов долгосрочного характера, за счёт которых кредитовались проекты, соот-

²⁹ См. сборник: Пятьдесят лет немецкой марки. М. 2003.

³⁰ Gowland D. Controlling the Money Supply. London and Canberra, 1984. P. 113, 119.

ветствующие государственным программам. Банки, проводившие такое кредитование, получали в результате своего рода гарантии в том, что в случае проблем с выполнением обязательств перед вкладчиками они всегда могли рассчитывать на пополнение источников кредитования со стороны центрального банка. Большое значение для развития кредитования в соответствии с государственными программами имело также создание в стране системы специальных государственных гарантийных фондов, обеспечивавших частичный возврат кредитных ресурсов, предоставленных малым и средним предприятиям в случае неплатёжеспособности последних³¹.

И, наконец, следует отметить такую важную особенность периода послевоенного восстановления и формирования передовой структуры национального производства, как использование валютных ограничений, которые сдерживали отток капитала за границу и тем самым способствовали росту инвестиций внутри страны. Германия сохраняла данные ограничения весьма недолгий срок: до середины 1950-х гг. Их отмена была обусловлена рядом обстоятельств. Успешная политика развития экспортного производства привела к быстрому возрастанию объёмов золотовалютных резервов и сбережений, которые превращались в инвестиции. Вместе с тем утечка капитала за границу была относительно незначительной, в связи с поддержанием достаточно высоких процентных ставок и высокой рентабельностью производства.

По иному складывалась ситуация в Великобритании и Франции. Инвестиционная активность национального капитала внутри этих стран была недостаточной, долгое время наблюдался дефицит платёжного баланса, а также практиковались относительно низкие процентные ставки, чтобы обеспечить экономический рост и удешевление обслуживания государственного долга. Здесь отмена всех валютных ограничений была произведена значительно позже: в Британии – в конце 1970-х гг., во Франции в 1980-х гг.

³¹ См.: Красавина Л.Н. Финансовая и денежно-кредитная система Франции. М., Финансы. 1978. 119 с.

В 1970–80 гг., в связи с выполнением главных задач послевоенного экономического развития, во всех странах государство постепенно сокращало масштабы своего участия в экономической жизни общества. Усиливается интернационализация хозяйственных процессов. Возрастает финансовая мощь производящих компаний и их способность самостоятельно производить масштабные инвестиции. Значительные инвестиционные ресурсы концентрируются в частных банках и на финансовых рынках, которые расширяют свою деятельность до международных масштабов. Через эти рыночные финансовые институты стала привлекаться основная часть и необходимых для инвестиций денежных ресурсов.

Соответственным образом меняется экономическая политика в целом и важнейшая её денежно-кредитная часть. Селективный подход в регулировании сферы кредитования становится мало актуальным. Денежно-кредитная политика превращается в автономную область государственного экономического регулирования. Её преимущественной целью выступает ценовая стабильность. Изменяется инструментарий воздействия на денежную массу. Прямое регулирование объёмов кредитования и селективное финансирование отраслей и предприятий вытеснили косвенные меры, в которых всё большую роль начинают играть операции на открытом рынке. Эти тенденции в 1990 гг. находят свою завершённую форму в денежно-кредитном регулировании в зоне евро – объединении 19 стран Западной Европы, использующих единую валюту.

4.3. Современная денежно-кредитная политика ЕС и России

Всякая экономическая политика вообще и монетарная в частности включает в себя определение целей деятельности соответствующих органов власти, а также способов и инструментов их реализации. В еврозоне главная цель денежно-кредитной политики зафиксирована в Уставе Европейской системы центральных банков и в договоре об образовании Европейского союза. В документах валютного объединения с момента его формирования она неизменно состоит в обеспечении стабильности

цен. Впрочем, сформулированная в Уставе цель содержит также оговорку, оставляющую Центральному банку еврозоны известное поле для манёвра, а именно включать в число своих приоритетов и другие цели в условиях, когда они не мешают выполнению главной.

На самом же деле, в практике монетарного регулирования Европейский центральный банк, по существу, постоянно преследует сразу две цели, которые становятся в результате равнозначными. Мы имеем ввиду его установку на то, чтобы поддерживать ежегодно годовой прирост цен, приближённый к 2%. ЕЦБ считает, что увеличение цен в таком небольшом масштабе не представляет ни малейшей угрозы для финансовой стабильности, но позволяет не допускать дефляцию, чреватую замедлением экономической активности, падением темпов роста и даже снижением уровня производства в еврозоне. Это, по нашему мнению, и означает, что политика ЕЦБ ставит не только цель обеспечения стабильности цен, но и поддержания достаточной деловой активности в зоне евро. Другими словами, его политика с точки зрения современных теоретических доктрин представляет собой симбиоз монетаризма и кейнсианства.

Для достижения такой стабильности ЕЦБ оперирует официальной процентной ставкой, которую он использует при рефинансировании коммерческих банков и других операций. Его ставка оказывает влияние на проценты по кредитам, предоставляемым кредитными организациями экономике и населению, а также на ставки по прочим финансовым инструментам и, в конечном счёте, на спрос на товарном рынке, а следовательно, и цены. Повышение официальной процентной ставки способствует последующему снижению цен, сокращение стимулирует их рост.

Дополнительным инструментом, позволяющим усилить воздействие ставки центрального банка объединения на цены, служат так называемые обязательные резервы, с помощью которых ограничивается возможность коммерческих банков использовать свои пассивы для финансовых операций. Таким образом, эмиссионный центр страны создаёт дополнительный спрос на заёмные денежные ресурсы, которые он предоставляет банков-

ской системе. В результате ставки денежного рынка начинают жёстко зависеть от ставки центрального банка, а регулирование становится более эффективным.

До начала финансово-экономического кризиса в 2008 г., толчком которому послужил, как известно, крах ряда американских банков, финансировавших ипотеку, такой порядок регулирования монетарной сферы был достаточно эффективен. Кризис породил своеобразную ситуацию: несмотря на усилия денежных властей ЕС по снижению ставки, прирост цен устремился к нулю, опасность дефляции встала в полный рост.

С началом кризиса монетарная политика ЕЦБ существенно не отличалась от политики других стран. Возникла критическая ситуация разорения многих крупных банков из-за вывода из банковской системы ЕС капиталов, принадлежащих американским контрагентам, и надо было спасать кредитные организации. С этой целью центральный банк начал насыщать денежный оборот дополнительной ликвидностью, снижая официальную ставку и расширяя финансирование прежде всего крупнейших банков. С июля 2008 г. по май 2009 г. он снизил ставку более чем в 4 раза: с 4 до 1%³². С этого же года подлежали удовлетворению все заявки кредитных организаций на рефинансирование на срок до 3 лет по фиксированной ставке в 1%. Были также снижены требования к залогам, предоставляемым банками ЕЦБ для получения финансовой поддержки. До июня 2009 г. ЕЦБ на специальных сессиях выдавал кредиты банкам по сделкам РЕПО на срок 3, 6 и 12 месяцев, а к июню 2010 г. завершил длившуюся два года программу покупки облигаций европейских банков с различным обеспечением на общую сумму 60 млрд евро. Была начата также весьма важная программа, согласно которой центральный банк стал выкупать государственные облигации. Банковская ликвидность в евро быстро нарастала. О масштабах её роста говорит тот факт, что в первые два месяца 2012 г. ЕЦБ эмитировал в оборот примерно 1 трлн евро.

Нельзя не отметить, что политика количественного смягчения, начатая ЕЦБ в 2008 г., через 2 года была подвергнута коррекции: процентную ставку (хотя и незначительно по сравне-

³² Key ECB interest rates. ECB Statistics Bulletin. 2018. P. 5.

нию с четырёхкратным сокращением в 2008–2009 гг.) увеличили в июле 2011 г. до 1,5%³³. Главная причина – руководство ЕС посчитало, что предыдущее снижение было чрезмерным. По его мнению, оно могло привести к высокой инфляции. Однако последующие события показали ошибочность этой меры, ибо с 2012 г. в еврозоне появились признаки дефляции. Если в 2012 г. прирост потребительских цен (гармонизированный индекс) составил 2,5%, то в 2013 г. – 1,3%, 2014 г. – 0,4%, 2015 г. – 0,0%, 2016 г. – 0,2%³⁴. Дефляционные тенденции подвигли руководство ЕЦБ последовательно снижать ключевую ставку до 0% в 2016 г. Нулевая ставка оставалась неизменной до 2018 г., что послужило одной из причин вывода экономики из сферы дефляции. Улучшение ситуации имело место уже в 2017 г.: прирост цен составил 1,5%, а в 2018 г. он достиг желаемых 2%. Это позволило Совету ЕЦБ объявить о завершении в декабре 2018 г. программы рефинансирования коммерческих банков посредством покупки активов (APP). Тем не менее, нулевую ставку он планирует применять вплоть до лета 2019 г. с целью поддержания инфляции на уровне около 2%³⁵.

Была ли дефляция порождена некоторым повышением уровня самой ставки до 1,50% в 2011 г.? Безусловно – нет: во-первых, повышение само по себе было совершенно незначительным; во-вторых, дефляция отсутствовала в предшествующие годы при гораздо более высоких уровнях ставок. Очевидно, действовали иные причины.

В весьма содержательной статье «Инфляция в еврозоне: проблемы новой нормальности» О.В. Буторина и А.Н. Цибулина анализируют выводы группы экспертов ЕЦБ, исследовавших эти причины. В работе рассмотрено мнение экспертов о том, что низкая инфляция в еврозоне обусловлена как внешними известными причинами (динамика цен в долларах на мировых рынках сырья, волатильность эффективного валютного курса, колебаниями потребительских цен в США), так и внутренними

³³ Там же.

³⁴ Евростат. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00118&plugin=1>.

³⁵ ECB Economic Bulletin, Issue 8 / 2018. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/html/eb201808.en.html#IDofOverview_Eb1.

условиями, которые, по существу, не учитывал ЕЦБ. К последним отнесены: уровень реального ВВП и реального потребления, динамика инвестиций, уровень занятости³⁶.

Авторы статьи справедливо отмечают, что фактор занятости действительно тормозил рост цен в последние годы, поскольку, несмотря на снижение общих показателей безработицы, увеличивалась скрытая её часть (рост количества занятых неполный рабочий день и работающих на основе временных трудовых соглашений), что не способствовало возрастанию заработной платы в регионе, а значит, и усилению спроса и инфляции.

Интересно отметить, что среди внутренних факторов были названы также такие, которые не только определяют масштабы инфляции, но и испытывают обратное воздействие последней. Действительно, реальное потребление, обусловленное в значительной мере производством реального ВВП, отражается на совокупном спросе и тем самым на товарных ценах. В то же время, хотя бы в краткосрочной перспективе, уровень цен может стимулировать или тормозить рост ВВП и потребления. То же самое относится к инвестициям: их расширение позволяет стимулировать спрос и рост цен, но с другой стороны, на настроения инвесторов влияют также сами товарные цены. Ведь инвесторы не заинтересованы вкладывать деньги в проекты в условиях низких цен, которые создают в экономике обстановку низкой деловой активности.

Соответственно, можно полагать, на наш взгляд, что дефляция, достигнув определённого масштаба, который приближает прирост товарных цен к нулевым отметкам, создаёт некую самоподдерживающуюся ценовую среду, которая слабо реагирует на меры центрального банка по снижению официальной ставки. Так, низкие цены не способствуют росту натурального компонента ВВП и потреблению в натуральной форме, а также инвестированию капитала (несмотря на увеличение объёма эмитированной ликвидности). Другими словами, сама дефляция некоторое время может блокировать действие ряда внутренних фак-

³⁶ Буторина О.В., Цибулина А.Н. Инфляция в еврозоне: проблемы новой нормальности. Современная Европа, 2018, №4. С. 94-95.

торов роста цен.

Нельзя не отметить, что действовала ещё одна причина дефляционных тенденций, которую, как правило, западные эксперты не упоминают в аналитических разработках – это характер использования эмиссии евро, которую ЕЦБ проводит в ходе реализации политики количественного смягчения. Поскольку евро относится к разряду мировых валют, то её могут применять для оплаты покупок в других странах и она может свободно превращаться в любые национальные деньги. Отсюда, часть эмиссии, пополнив авуары крупнейших европейских банков, затем выпадает из сферы обращения на общем рынке товаров и услуг внутри валютного объединения и соответственно не повышает совокупный спрос, то есть не обуславливает рост цен и ВВП.

Зачастую банки и финансируемые ими организации инвестируют евро вне еврозоны на более динамичных рынках, например, в развивающихся экономиках и странах с формирующимися рынками. Особенно привлекательны для них экономики, которые открыты для такого проникновения, где сформированы благоприятные административно-правовые условия, проведена либерализация валютных режимов, а законодательство предусматривает льготы для иностранных инвестиций. С его поддержкой они захватывают финансовые и нефинансовые рынки, получают относительно более высокие доходы, нежели это возможно в еврозоне.

Взаимосвязь между эмиссией ЕЦБ и наращиванием иностранных вложений европейских транснациональных банков была установлена в исследовании видного российского экономиста А.В. Навоя. Он показал в своих расчётах, сделанных на основе статистических данных, как в период с 2000 по 2011 гг. изменения параметров иностранных банковских активов ЭВС сопровождалась соответствующими изменениями объёма эмиссии евро³⁷.

При фактической поддержке ЕЦБ, в частности, была осуществлена экспансия крупнейших западно-европейских банков

³⁷ Роль мировых денег в глобальном управлении. Колл. монография. Отв. ред. А.И. Бажан. М. ИЕ РАН. 2017. С. 63-64.

в конце 2000-х гг. в странах Центральной Европы, не входящих в еврозону. В итоге, транснациональные банки заняли здесь господствующие позиции. Их активы в Венгрии, например, составили 92% от общей суммы банковских активов в этой стране, Польше – 69%, Чехии – 67%³⁸. Внедрение западных банков в эти страны обусловлено рядом особенностей их экономики, которая служит весьма привлекательным объектом для банковских инвестиций. Здесь применяются более высокие процентные ставки, а значит можно получать относительно более высокий доход, чем в еврозоне, и не только благодаря более высокой инфляции, но и в силу иных причин. В частности, для этих стран характерен недостаток денежного капитала по сравнению со спросом на него, поскольку наблюдаются относительно высокие темпы экономического роста.

Вопрос о том, было ли для стран, на которые направлена экспансия транснациональных банков, позитивным или негативным следствием, оставим в стороне. Важно отметить, что эта экспансия существенным образом снижает эффективность местной денежно-кредитной политики. Действительно, в условиях, когда значительную долю кредитов иностранные банки предоставляют локальным финансовым и нефинансовым организациям по ставкам, определяемым ЕЦБ, ограничивается воздействие инструментов монетарной политики, находящихся в распоряжении национальных регуляторов.

Кроме поддержания ценовой стабильности и стимулирования хозяйственной активности, в настоящее время есть ещё одна цель, которую преследует ЕЦБ, проводя свою монетарную политику. Евросоюз его задействует для участия в комплексе мер, с помощью которых делают попытки смягчить долговой кризис. Среди этих мер возможности ЕЦБ используют для финансирования экономически слабых стран с высокой долговой нагрузкой. Центральный банк, таким образом, превращают в своеобразный институт поддержки проблемных экономик. Такая поддержка осуществляется в сочетании с проведением в еврозоне политики количественных смягчений. Дело в том, что

³⁸ Foreign Banks: Trends, Impact and Financial Stability. IMF Working Paper. January. 2012.

низкие процентные ставки идут на пользу, в первую очередь, странам со значительным государственным долгом, так как позволяют им обслуживать долг с меньшими издержками, что для них имеет немаловажное значение.

ЕЦБ облегчает положение стран-должников не только таким способом. Центральный банк покупает государственные облигации стран валютного объединения на вторичном рынке, уменьшая риски дефолта этих государств. В этом случае ЕЦБ предстаёт в определённой мере как организация, подобная Европейскому стабилизационному механизму, замедляя наступление неплатёжеспособности и принимая на себя риски невозврата займов.

Надо отметить, что Программа выкупа государственных облигаций нашла поддержку не у всех членов руководства ЕЦБ. Например, член Управляющего совета Европейского центрального банка, президент Бундесбанка Йенс Вайдман подверг её резкой критике³⁹. И это естественно, поскольку программа выгодна не для всех стран объединения. Она, другими словами, представляет собой проект, по поводу которого возникают противоречия между, с одной стороны, лидерами еврозоны, развитыми странами, донорами ЕС, не имеющими проблем с погашением долга, облигации которых высоко котируются у инвесторов, а, с другой – странами с высоким уровнем долга, когда он приближается к критической отметке и эти страны уже не способны самостоятельно расплачиваться по обязательствам.

Лидерам объединения скупка облигаций и перевод их в собственность центрального банка не только не нужна (ведь они самостоятельно могут платить по обязательствам), но и не желательна, ибо на них, в конечном счёте, переносят часть рисков невозврата долга, поскольку ЕЦБ – общий финансовый институт, убытки которого оборачиваются потерями для всех стран – учредителей этой организации.

Масштабная скупка облигаций и низкие процентные ставки, практикуемые в рамках современной монетарной политики

³⁹ Вайдман Й. ЕЦБ не должен копировать действия ФРС США. Вести (Экономика). 05.12.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/50383/> (дата обращения 10.02.2017).

в еврозоне, имеют и другой негативный аспект. Такие операции и ставки расхолаживают, снижают заинтересованность национальных правительств в принятии адекватных, рациональных решений по сокращению долга, соблюдению должной финансовой дисциплины. Таким образом, современная политика ЕЦБ противоречива также в том смысле, что, не допуская дефолта некоторых стран валютного объединения, она в то же время снижает у них стимулы к сокращению долговой нагрузки, которая вызывает этот дефолт.

* * *

История европейской монетарной политики говорит о том, что правящая элита региона никогда не останавливала выбор на какой-либо одной цели: в зависимости от конкретных условий определялась та или иная цель, достижение которой позволяло решать наиболее важные актуальные задачи. Подобный подход естественен, ибо денежно-кредитная политика относится к такому средству управления экономическими процессами, которое определяет многие стороны экономической жизни, а не только стабильность цен. Она в краткосрочной и даже в среднесрочной перспективе способна, как известно, повлиять на такой важный экономический параметр, как рост экономики: способствовать или препятствовать ему. Такова и современная монетарная политика еврозоны, которая направлена на активизацию крайне низкой хозяйственной активности в регионе, применяет для этого количественное смягчение, опускает до самого низкого предела процентные ставки.

К сожалению, наш Банк России игнорирует опыт ЕЦБ и в целом историю денежно-кредитной политики Западной Европы. Для Банка России существует единственная цель в монетарном регулировании – борьба с инфляцией. Он преследует её в течение последних 25 лет, и в основном безуспешно, поскольку инфляция в этот период была весьма высокой за исключением последних двух лет.

Почему же Центральный банк не учитывает в монетарном регулировании влияние денежно-кредитной политики, в частности, на экономический рост? Могут сказать, что законодательство не позволяет. В нём прописано одно: он должен занимать-

ся обеспечением устойчивости рубля, что зафиксировано в Конституции страны и в Законе о Центральном банке Российской Федерации. Почему тогда ЦБ не выступит с инициативой об изменении законодательства? Видимо, потому что его работа по проведению монетарной политики осложнится, повысится ответственность за весьма сложный участок.

Центральный банк Российской Федерации не принимает во внимание и другую банальную вещь: современные деньги имеют такой характер, что их устойчивость определяется не только монетарными факторами, не только объёмом эмитируемых в оборот денежных масс, но и условиями, непосредственно определяющими товарные цены, минуя влияние на денежную массу. К таким условиям относятся, например, монополизм и колебания курса национальной валюты. Надо заметить: и то, и другое у нас имеется в избытке. И если инфляция растёт в результате действия последних, то гасить её за счёт сжатия денежной массы, что постоянно и делает Банк России, значит неизбежно тормозить экономический рост, без какого-либо эффекта в плане стабилизации цен. Такая антиинфляционная политика может породить экономический спад, кризис.

Так и произошло в 2014–2016 гг. К этому времени монетарные власти перешли к способу борьбы с ростом цен, который получил название «таргетирование инфляции», то есть в качестве промежуточной цели монетарного регулирования используют процентную ставку в сочетании со свободным плаванием рубля. Переход к таргетированию инфляции был обусловлен, по-видимому, тем обстоятельством, что у нас до сих пор живо стремление применять наиболее модные методы денежного регулирования, которые широко используются на Западе. Игнорируется тот факт, что условия функционирования экономики России существенно иные и что свободное плавание рубля в российских условиях зависимости нашей экономики от экспорта энергоносителей приводит к нестабильности его курса. Он становится подверженным резким колебаниям из-за нестабильности цен на нефть и газ на мировом рынке, что существенно обогащает валютных спекулянтов, но негативно влияет на хозяйственные процессы.

Цена на нефть в начале 2014 г. обрушилась с высоты 105 долл. за баррель до 30 долл. в январе 2016 г., что привело, в сочетании с введением санкций, к катастрофическому (более чем в 2 раза) снижению курса национальной валюты. Примеры скачкообразного изменения нефтяных цен были и раньше. В частности, в период с 2007 по 2009 гг. они сначала взлетели с 50 до 140 долл. за баррель, затем резко сократились до 40 долл., а потом вновь немного поднялись. В те времена, однако, это не привело к пропорциональному и резкому изменению курса. Его колебания сглаживались, поскольку активно проводилась политика регулирования с помощью валютных интервенций.

Что же происходило далее в 2014–2016 гг.? Поскольку курс обвалился, то внутренние цены пошли в гору, и в 2015 г. прирост потребительских цен превысил к тому времени привычный порог в 10%. Прирост составил 12,9%, хотя Центральный банк всюду применял таргетирование и ставки ЦБ подняли до заоблачных высот. Затем случилось «чудо»: прирост стал снижаться, то есть инфляция мало-помалу стала уменьшаться. В 2016 г. она составила 5,4%, а затем сократилась в 2017 г. до небывалого для постреформенной России уровня в 2,5%⁴⁰. Монетарные власти в связи с этим сделали выводы о победе политики таргетирования инфляции. На наш же взгляд, таргетирование здесь ни при чём. Причинно-следственные связи совершенно другие. Наша версия состоит в том, что в 2014–2015 гг. скачкообразный рост внутрироссийских цен в результате быстрого падения курса рубля привёл к длительному, в течение трёх лет, снижению уровня реальных доходов населения, в том числе и доходов предпринимателей. Правительство и Центральный банк могли бы компенсировать рост цен увеличением бюджетных расходов и достаточным расширением кредитования экономики под адекватные проценты, но не сделали этого. Более того, Банк России существенно повысил ставки. В результате в 2014 г. реальные доходы сократились на 0,7%, в 2015 г. – на 3,2%, в 2016 г. – на 5,9%⁴¹. Это значительно уменьшило совокупный спрос на

⁴⁰ По данным Росстата. URL: <https://russian-inflation.ru/>.

⁴¹ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник – 2016 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm.

российском рынке, ввергло производство в кризис и в то же время умерило параметры инфляции в 2016–2017 гг. до столь низких показателей. По нашему мнению, удивительное сокращение инфляции следует рассматривать не как победу денежных властей, а как некую реакцию, стихийную коррекцию ценового феномена после его скачкообразного роста. Затем следует, как представляется, ожидать прироста цен до привычного уровня. Уже в 2018 г. по некоторым прогнозам прирост потребительских цен составит около 4%. На наш взгляд, в 2019 г. он будет ещё больше.

Вывод, который следует из анализа современной российской монетарной политики и её результатов, видимо, можно свести к следующему. Эта политика направлена на достижение единственной цели – снижение инфляции и состоит в сочетании плавающего курса рубля и таргетирования инфляции. Она вредит экономическому развитию страны и противоречит государственной экономической политике ускорения экономического роста, обнародованной в Указе президента от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития...», который требует не только не допускать среднегодового прироста цен выше 4%, но и ставит задачу превышения темпов экономического роста выше среднемирового уровня.

Целесообразно вернуться к управляемому курсу рубля и внести поправки в действующее законодательство, которые бы предписывали Банку России и Правительству РФ, проводить такую антиинфляционную политику, которая не вредила, а реально помогала росту российской экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любое явление общественной жизни имеет начало и конец. В промежутках между ними после своего рождения оно набирает силу, вступает в полосу зрелости, а затем под давлением внутренних и внешних причин и противоречий постепенно или одновременно завершает жизненный цикл, уступая дорогу другим социально-экономическим формам. Впрочем, этот закон принадлежит не только общественным отношениям, но и свой-

ственен «матушке-природе» в целом в её живом и неживом облики. Он, таким образом, имеет всеобщий характер. «Ничто не вечно под луной» – поэтические слова из сонета В. Шекспира как нельзя лучше передают его содержание.

По траектории, предписанной этим законом, идёт и евроинтеграция. Её начало, как показано в настоящей работе, связано не столько с экономическими, сколько с политическими причинами: после Второй мировой войны США своё экономическое и политическое доминирование использовали для принуждения Западной Европы к экономической интеграции первоначально в форме беспошлинной внешней торговли. Цель состояла в создании экономической основы для формирования политического и военного блока, который мог бы противостоять социалистическому лагерю во главе с Советским Союзом.

Беспошлинная торговля дала положительный результат: она способствовала экономическому росту и восстановлению разрушенного в ходе войны хозяйства. Идеи интеграции стали популярны. Западноевропейские политические элиты взяли курс на дальнейшее её развитие. Углубление экономической интеграции происходило в результате преодоления недостатков и противоречий, свойственных её отдельным стадиям. В результате от беспошлинной торговли перешли к общему рынку и наднациональным структурам экономического регулирования, совершенствование функционирования рынка потребовало введения единой валюты, создания зоны евро и Европейского центрального банка. В итоге возник Экономический и валютный союз (ЭВС).

Вместе с ним наступила фаза зрелости, что означает: сближение экономик 28 стран – участниц ЕС не может идти дальше по восходящей линии и формировать новую более высокую интеграционную ступень. За ЭВС могло бы последовать создание единого государства (Соединённые Штаты Европы), что упразднило бы евроинтеграцию 28 стран, превратив её в иную форму объединения народов.

К сожалению, а может быть и к счастью для России, трансформация ЕС в единое государственное образование в ближайшее время невозможна из-за наличия существенных экономи-

ческих, социально-политических и этнических различий между странами объединения. Более того, в ЕС наблюдаем нарастание тенденции к сепаратизму, неподчинению ряда государств принятым здесь установкам, правилам и рекомендациям Брюсселя, что даёт основание считать, что и в более отдалённой перспективе проект создания Соединённых Штатов Европы, скорее всего, не сбудется.

Главная экономическая причина состоит в том, что в силу особого характера взаимодействия экономик стран объединения усиливаются экономические противоречия между институтами, которые составляют фундамент регионального объединения. К таким основным противоречиям для ЕС в целом относится коллизия между общим рынком и экономической обособленностью отдельных государств, а для еврозоны между единой валютой, управляемой общей монетарной политикой, и этой же обособленностью. Содержание противоречий заключается в том, что общий рынок, единая валюта и единая денежно-кредитная политика создают условия открытой конкурентной борьбы, что позволяет повышать экономическую эффективность ЕС в целом. Однако ряд отдельных стран, экономика которых проигрывает конкуренцию, чувствуют себя весьма некомфортно, поскольку лишены в Евросоюзе инструментов защиты национального хозяйства (таможенных и нетаможенных ограничений, собственной национальной валюты, финансовой политики, ориентированной на поддержку национальных компаний и т.д.). Открытая конкуренция для них оборачивается разорением множества национальных экономических структур, увеличением безработицы, ростом бюджетных дефицитов и государственных долгов, что порождает дезинтеграционные тенденции. Ситуацию ухудшает неблагоприятная в настоящее время хозяйственная конъюнктура и низкие темпы экономического роста в ЕС, что делает внутрорегиональную конкуренцию более ожесточённой, поскольку корпорации стараются восполнить недостаток спроса на их продукцию за счёт вытеснения с общего рынка конкурентов.

ЕС предпринимает обширный комплекс мер для того, чтобы умерить разрушительное воздействие на европейское единство

финансовых дисбалансов. Ужесточается платёжная дисциплина, оказывается кредитная поддержка странам с высоким уровнем государственного долга. Но вряд ли данные меры позволят кардинально решить проблему: меры носят в основном паллиативный характер, ибо не способны устранить причины бюджетных дефицитов и государственных долгов, связанных с открытой конкуренцией внутри Евросоюза и утратой последним конкурентных позиций на мировом рынке.

После начала мирового финансово-экономического кризиса к борьбе за «спасение» ЕС был подключён ЕЦБ, который кардинально изменил направление своей монетарной политики. Вместо традиционного антиинфляционного регулирования он стал проводить политику количественного смягчения в сочетании со скупкой государственных ценных бумаг. Цель состоит в том, чтобы, с одной стороны, стимулировать экономический рост в регионе, а с другой стороны, финансово поддерживать экономически слабые государства, чтобы не допускать их дефолт из-за непомерно высокого государственного долга.

Но и действия ЕЦБ не способны кардинально изменить ситуацию. Во-первых, потому, что значительная часть эмиссии евро, полученной коммерческими банками по чрезвычайно низким процентным ставкам, они инвестируют за пределами еврозоны, в странах, в которых можно получить больший процентный доход. Следовательно, политика количественного смягчения, проводимая с целью стимулировать рост, в значительной части пробуксовывает в условиях отсутствия ограничений на трансграничное движение капиталов. Во-вторых, меры по массовой скупке государственных облигаций не приводят к снижению общей суммы государственного долга: уменьшается задолженность перед частными инвесторами, но в той же мере она возрастает перед ЕЦБ. Это, конечно, позволяет создать некую преграду для наступления дефолта, но в то же время имеет и тот недостаток, что снижает заинтересованность государств-должников поддерживать финансовую дисциплину и принимать необходимые меры по сокращению государственного долга.

Каковы перспективы евроинтеграции? Анализ показывает, что в настоящее время она служит питательной почвой, на кото-

рой возрастают дезинтеграционные тенденции. Она создаёт некомфортную экономическую реальность для ряда стран Евросоюза, что служит предпосылкой для их выхода из организации. В частности, вслед за Британией возможен выход из ЕС по экономическим причинам Франции, которая также как и Британия проигрывает в конкурентной борьбе на общем рынке. Возможен также вариант, по которому выход отдельных стран будет сочетаться с расколом интеграционного объединения на две части по формуле «Европы двух скоростей». В одной части окажутся преуспевающие экономики, страны – доноры ЕС, а в другой дотационные экономики периферии.

ОБ АВТОРЕ

Бажан Анатолий Иванович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель Отдела экономических исследований Института Европы РАН. В 1968 г. окончил Московский финансовый институт (ныне Финансовый университет при Правительстве РФ). В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию. До 1986 г. работал доцентом на кафедре политэкономии Московского финансового института. С 1976 по 1981 гг. читал лекции по макро- и микроэкономике в Оранском университете (Алжир). С 1987 г. работал в Кредитно-финансовом научно-исследовательском институте при Госбанке СССР. Исполнял обязанности директора этого института. В Институте Европы РАН работает с 1999 г. Тема докторской диссертации «Денежно-кредитная политика в Западной Европе и современной России». Опубликовал около 150 научных работ по теории денег, государственной монетарной политике и европейской экономической интеграции.

ABOUT THE AUTHOR

Anatoliy Bazhan, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Economic Studies of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, chief research associate. Graduated from Moscow Financial Institute (currently the Financial University of the Government of the RF). In 1971 received the Candidate of Sciences degree. Up to 1986 worked as assistant professor at the Political Economy Department of the Moscow Financial Institute. In 1976 – 1981 lectured on macro- and microeconomics in the University of Oran (Algeria). Since 1987 led economic research in the Credit and Finance Institute of the USSR State Bank. Served as acting Director of the institute. Joined the Institute of Europe, RAS, in 1999. Received the Doctor's degree for the thesis «Monetary policy in the Western Europe and modern Russia». Published over 150 research papers, mostly devoted to the theory of money, state monetary policy and European economic integration.

**В 2017–2018 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

340. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть I. Под ред. Е.А.Масловой, О.Ю.Потемкиной (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 340, М., 2017 г.
341. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть II. Под ред. Е.А.Масловой, О.Ю.Потемкиной (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 341, М., 2017 г.
342. Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. Под ред. Л.Н.Шишелиной (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 342, М., 2017 г.
343. Германия. 2016. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 343, М., 2017 г.
344. Правительство Т. Мэй – год у власти. Итоги досрочных выборов 2017 г. Под ред. Е.В.Ананьевой (отв. ред.), Е.В.Дрожжиной. ДИЕ РАН № 344, М., 2017 г.
345. Экономические аспекты брекзита. Под ред. А.И.Бажана (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 345, М., 2017 г.
346. Н.Б.Кондратьева. Европейский союз: становление единого рынка. Монография. ДИЕ РАН № 346, М., 2017 г.
347. Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы. Под ред. В.Я.Швейцера (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 347, М., 2017 г.
348. С.Н.Гончаренко. Черноморское экономическое сотрудничество: первые 25 лет. ДИЕ РАН № 348. М., 2018 г.
349. Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы. Под ред. Е.А. Масловой (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 349. М., 2018 г.
350. Большое Причерноморье: на перекрёстках сотрудничества и конфликтов. Отв. ред. Д.А.Данилов. ДИЕ РАН № 350. М., 2018 г.
351. Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы. Отв. ред. Л.О.Бабынина. ДИЕ РАН № 351. М., 2018 г.
352. В.С.Циренщиков. Прогностическая деятельность европейских компаний. ДИЕ РАН № 352. М., 2018 г.
353. Европа 2017: партии, выборы, власть. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 353. М., 2018 г.
354. Германия. 2017. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 354, М., 2018 г.
355. Ю.А.Борко. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее. ДИЕ РАН № 355. М., 2018 г.
356. Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти. Отв. ред. Е.В.Ананьева. ДИЕ РАН № 356. М., 2018 г.
357. Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 357. М., 2018 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2017–2018

340. Contemporary Europe: 60th anniversary of the Treaties of Rome. P. I. Ed. by E.A.Maslova, O.Yu.Potemkina and others. Reports of the IE RAS, № 340, M., 2017.
341. Contemporary Europe: 60th anniversary of the Treaties of Rome. P. II. Ed. by E.A.Maslova, O.Yu.Potemkina and others. Reports of the IE RAS, № 341, M., 2017.
342. The Visegrad Four in the European Union: Dilemmas of Convergence. Ed. by L.N.Shishelina and others. Reports of the IE RAS, № 342, M., 2017.
343. Germany. 2016. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 343, M., 2017.
344. May's Government – a Year in Power. Snap General Elections-2017 Results. Ed. by E.V.Ananieva, E.V.Drozhzhina. Reports of the IE RAS, № 343, M., 2017.
345. Brexit economic aspects. Ed. by A.I.Bazhan and others. Reports of the IE RAS, № 345, M., 2017.
346. N.B.Kondratyeva. The European Union: shaping the single market. Monography. Reports of the IE RAS, № 346, M., 2017.
347. Elections in France – 2017: Results and Perspectives. Ed. by V.Ya.Shveitser and others. Reports of the IE RAS, № 347, M., 2017.
348. S.N.Goncharenko. Black Sea Economic Cooperation: the First 25 Years. Reports of the IE RAS, № 348, M., 2018.
349. Modern Italy: old problems, new challenges. Ed. by E.A.Maslova and others. Reports of the IE RAS, № 349, M., 2018.
350. The Wider Black Sea Region: at the Crossroads of Cooperation and Conflicts. Ed. by D.A.Danilov. Reports of the IE RAS, № 351. M., 2018.
351. The Future of Europe: global challenges and possible responses. Ed. by L.O.Babynina. Reports of the IE RAS, № 351. M., 2018.
352. V.S.Tsirenschikov. Prognostic Activities of European Companies. Reports of the IE RAS, № 352. M., 2018.
353. Europe 2017: parties, elections, power. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 353, M., 2018.
354. Germany. 2017. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 354, M., 2018.
355. Yu.A.Borko. The Eastern Partnership: project, realities, future. Reports of the IE RAS, № 355, M., 2018.
356. Th. May's Minority Government – a Year in Power. Ed. by E.V.Ananieva. Reports of the IE RAS, № 356, M., 2018.
357. Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe. Ed. by V.Ya.Shveitser and others. Reports of the IE RAS, № 357, M., 2017.

Научное издание

А.И. Бажан

**ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ:
ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Доклады Института Европы
№ 359

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 4,63
Тираж 200 экз. Заказ № 1740

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86